

ГОМЕР ОДИССЕЯ

Литрес

Всемирная литература

Гомер
Одиссея

«Public Domain»

УДК 821.14
ББК 84(0)3-5

Гомер

Одиссея / Гомер — «Public Domain», — (Всемирная литература)

ISBN 978-5-04-090578-6

Личность легендарного древнегреческого поэта Гомера до сих пор остается загадкой, но именно он считается автором величайших памятников мировой литературы – «Илиады» и «Одиссеи», – со славой прошедших испытание временем. Его поэмы оказали огромное воздействие на мировую литературу, обогатили поэзию каноническим размером – гекзаметром, дали пищу историкам быта и нравов той эпохи. «Одиссея» содержит повествование о приключениях мифического героя по имени Одиссей во время его возвращения на родину по окончании Троянской войны, а также о приключениях его жены Пенелопы, ожидавшей мужа на Итаке. Поэма вдохновила многих художников и скульпторов на создание своих бессмертных шедевров.

УДК 821.14
ББК 84(0)3-5

ISBN 978-5-04-090578-6

© Гомер
© Public Domain

Содержание

Путь к Гомеру	6
Песнь первая	18
Песнь вторая	37
Песнь третья	56
Песнь четвертая	78
Песнь пятая	114
Песнь шестая	135
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Гомер

Одиссея

© Вступительная статья. Маркиш С. Наследники, 2018

© Примечания, словарь. Ошеров С. Наследники, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Путь к Гомеру

Во втором акте шекспировского «Гамлета» появляется бродячая труппа, и один из актеров, по просьбе принца, читает монолог, в котором троянский герой Эней рассказывает о взятии Трои и о жестокостях победителей. Когда рассказ доходит до страданий старой царицы Гекубы – у нее на глазах осатаневший от злобы Пирр, сын Ахиллеса, убил ее супруга Приама и надругался над его телом, – актер бледнеет и заливается слезами. И Гамлет произносит знаменитые, вошедшие в пословицу слова:

Что он Гекубе? Что ему Гекуба?
А он рыдает...¹

Что современному человеку Гекуба, что ему Ахиллес, Приам, Гектор и прочие герои Гомера; что ему их муки, радости, любовь и ненависть, приключения и битвы, отгремевшие и отгоревшие больше тридцати столетий назад? Что уводит его в древность, почему Троянская война и возвращение на родину многострадального и хитроумного Одиссея трогают нас если и не до слез, как шекспировского актера, то все же достаточно живо и сильно?

Всякое литературное произведение далекого прошлого способно привлечь и увлечь человека нового времени изображением исчезнувшей жизни, во многом поразительно не схожей с нашей жизнью сегодня. Исторический интерес, свойственный любому человеку, естественное желание узнать, «что было раньше», – начало нашего пути к Гомеру, точнее – одного из путей. Мы спрашиваем: кто он был, этот Гомер? И когда жил? И «сочинил» ли своих героев или в их образах и подвигах отражены подлинные события? И насколько верно (или насколько вольно) они отражены и к какому времени относятся? Мы задаем вопрос за вопросом и ищем ответа в статьях и книгах о Гомере; а к нашим услугам – не сотни и не тысячи, а десятки тысяч книг и статей, целая библиотека, целая литература, которая продолжает расти и сейчас. Ученые не только обнаруживают все новые факты, имеющие отношение к гомеровским поэмам, но и открывают новые точки зрения на поэзию Гомера в целом, новые способы ее оценки. Была пора, когда каждое слово «Илиады» и «Одиссеи» считали непререкаемой истиной – древние греки (во всяком случае, громадное их большинство) видели в Гомере не только великого поэта, но и философа, педагога, естествоиспытателя, одним словом – верховного судью на все случаи жизни. Была и другая пора, когда всё в «Илиаде» и «Одиссее» считали вымыслом, красивою сказкой, или грубоватою басней, или безнравственным анекдотом, оскорбляющим «хороший вкус». Потом пришла пора, когда Гомеровы «басни» одна за другою стали подкрепляться находками археологов: в 1870 г. немец Генрих Шлиман нашел Трою, у стен которой сражались и умирали герои «Илиады»; спустя четыре года тот же Шлиман раскопал «обильные золотом» Микены – город Агамемнона, вождя греческого воинства под Троей; в 1900 г. англичанин Артур Эванс начал уникальные по богатству находок раскопки на Крите – «стоградном» острове, неоднократно упоминаемом Гомером; в 1939 г. американец Блиджен и грек Курониотис разыскали и древний Пилос – столицу Нестора, «сладкогласного витии пилосского», неутомимого подателя мудрых советов в обеих поэмах...

Список «гомеровских открытий» чрезвычайно обширен и до сего дня не закрыт – и едва ли закроется в близком будущем. И все же необходимо назвать еще одно из них – самое важное и самое сенсационное в нашем веке. В ходе раскопок на острове Крите, а также в Микенах, в Пилосе и в некоторых других местах южной части Балканского полуострова археологи нашли несколько тысяч глиняных табличек, исписанных неведомыми письменами. Чтобы их прочи-

¹ Перевод Б. Пастернака.

тать, потребовалось почти полвека, потому что не был известен даже язык этих надписей. Лишь в 1953 г. тридцатилетний англичанин Майкл Вентрис решил задачу дешифровки так называемого линейного письма «Б». Этот человек, погибший в автомобильной катастрофе три с половиной года спустя, не был ни историком Античности, ни специалистом по древним языкам – он был архитектор. И тем не менее, как писал о Вентрисе замечательный советский ученый С. Лурье, «ему удалось сделать самое крупное и самое поразительное открытие в науке об Античности со времен эпохи Возрождения». Его имя должно стоять рядом с именами Шлимана и Шампольона, разгадавшего тайну египетских иероглифов. Его открытие дало в руки исследователей подлинные греческие документы того же примерно времени, что события «Илиады» и «Одиссеи», документы, расширившие, уточнившие, а кое в чем и перевернувшие прежние представления о прообразе того общества и государства, которые изображены у Гомера.

В начале II тысячелетия до н. э. на Балканском полуострове появились племена греков-ахейцев. К середине этого тысячелетия в южной части полуострова сложились рабовладельческие государства. Каждое из них было небольшою крепостью с примыкавшими к ней землями. Во главе каждого стояли, по-видимому, два властителя. Властители-цари со своими приближенными жили в крепости, за могучими, циклопической кладки стенами, а у подножья стены возникал поселок, населенный царскими слугами, ремесленниками, купцами. Сперва города боролись друг с другом за главенство, потом, около XV столетия до н. э., начинается проникновение ахейцев в соседние страны, за море. В числе прочих их завоеваний был и остров Крит – главный центр древнейшей, догреческой культуры юго-восточного района Средиземноморья. Задолго до начала ахейского завоевания на Крите существовали государства с монархической властью и общество, четко разделявшееся на классы свободных и рабов. Критяне были умелыми мореходами и купцами, отличными строителями, гончарами, ювелирами, художниками, знали толк в искусстве, владели письменностью. Ахейцы и прежде испытывали сильное воздействие высокой и утонченной критской культуры; теперь, после покорения Крита, она окончательно стала общим достоянием греков и критян. Ученые называют ее критомикенской.

Землю, постоянно привлекавшей внимание ахейцев, была Трояда на северо-западе Малой Азии, славившаяся выгодным местоположением и плодородною почвой. К главному городу этой земли – Илиону, или Трое, – не раз снаряжались походы. Один из них, особенно продолжительный, собравший особенно много кораблей и воинов, остался в памяти греков под именем Троянской войны. Древние относили ее к 1200 г. до н. э. – в пересчете на нашу хронологию, – и работы археологов, копавших Гиссар-лыкский холм вслед за Шлиманом, подтверждают древнюю традицию.

Троянская война оказалась кануном крушения ахейской мощи. Вскоре на Балканах появились новые греческие племена – дорийцы, – такие же дикие, какими тысячу лет назад были их предшественники, ахейцы. Они прошли через весь полуостров, вытесняя и подчиняя ахейцев, и до основания разрушили их общество и культуру. История обратилась вспять: на месте рабовладельческого государства вновь появилась родовая община, морская торговля заглохла, зарастали травой уцелевшие от разрушения царские дворцы, забывались искусства, ремесла, письменность. Забывалось и прошлое; цепь событий разрывалась, и отдельные звенья обращались в предания – в мифы, как говорили греки. Мифы о героях были для древних такою же непререкаемою истиной, как мифы о богах, и сами герои становились предметом поклонения. Героические предания переплетались друг с другом и с мифами о богах. Возникали круги (циклы) мифов, соединявшихся как последовательностью фактов, лежавших в их основе, так и законами религиозного мышления и поэтической фантазии. Мифы были почвою, на которой вырос греческий героический эпос.

Героический эпос есть у каждого народа. Это повествование о славном минувшем, о событиях первостепенной важности, которые были поворотным пунктом в истории народа.

Таким событием (или, по крайней мере, одним из таких событий) оказался великий поход на Трои; сказания о нем сделались важнейшей сюжетной основой греческого эпоса. Но от времени, когда создавался эпос, эти события были отделены тремя, а то и четырьмя веками, и потому к картинам ушедшей жизни, запомнившимся с необыкновенной точностью, присоединялись детали и подробности, заимствованные из жизни, которая окружала неведомых нам творцов эпоса. В самой основе мифа многое оставалось нетронутым, но многое и перетолковывалось на новый лад, в согласии с новыми идеалами и взглядами. Многослойность (а стало быть, и неизбежная противоречивость) изначально была характерной чертой греческого эпоса, а так как он находился в непрерывном движении, число слоев все увеличивалось. Подвижность эта неотделима от самой формы его существования: как и у всех народов, героический эпос у греков был устным творчеством, и письменное его закрепление знаменовало последний этап в истории жанра.

Исполнителями эпических произведений и вместе с тем их со-творцами, со-авторами были певцы (по-гречески «аэды»). Они знали наизусть десятки тысяч стихотворных строк, перешедших к ним по наследству и бог весть кем и когда сочиненных, они владели набором традиционных средств и приемов, тоже переходивших от одного поколения поэтов к следующему (сюда относятся и разнообразные формулы-повторы для описания сходных или в точности повторяющихся ситуаций, и постоянные эпитеты, и особый стихотворный размер, и особый язык эпоса, и даже самый круг сюжетов, довольно широкий, но все же ограниченный). Обилие устойчивых, неизменных элементов было необходимым условием для самостоятельного творчества: вольно их комбинируя, переплетая с собственными стихами и полустигмами, аэд всегда импровизировал, всегда творил наново.

Большинство современных ученых считает, что Гомер жил в VIII веке до н. э. в Ионии – на западном побережье Малой Азии или на одном из близлежащих островов. К тому времени аэды успели исчезнуть, и место их заняли декламаторы-рапсоды; они уже не пели, аккомпанируя себе на кифаре, а читали нараспев, и не только собственные произведения, но и чужие. Гомер был одним из них. Но Гомер не только наследник, он и новатор, не только итог, но и начало: в его поэмах лежат истоки духовной жизни всей Античности в целом. Византиец Михаил Хониат (XII–XIII вв.) писал: «Подобно тому, как, по словам Гомера, все реки и потоки берут начало из Океана, так всякое словесное искусство исток имеет в Гомере».

Есть предположение, что «Илиада» и «Одиссея» действительно заключают многовековую традицию импровизационного творчества – что они были первыми образцами письменно закреплённого «большого эпоса», с самого начала были литературой в прямом смысле слова. Это не значит, разумеется, что известный нам текст поэм ничем не отличается от исходного, каким он был записан или «выговорен» в конце VIII или начале VII века до н. э. В нем немало позднейших вставок (интерполяций), в иных случаях весьма пространных, до целой песни; немало, вероятно, и сокращений-купюр, и стилистических поправок, которые следовало бы назвать искажениями. Но в таком «искаженном» виде он насчитывает почти две с половиной тысячи лет, в таком виде был известен древним и принят ими, и пытаться возвращать его к первоначальному состоянию не только невозможно по существу, но и бессмысленно с историко-культурной точки зрения.

«Илиада» повествует об одном эпизоде последнего, десятого, года Троянской войны – гнев Ахиллеса, самого могучего и храброго среди греческих героев, оскорбленного верховным предводителем ахейцев, микенским царем Агамемноном. Ахиллес отказывается участвовать в сражениях, троянцы начинают брать верх, гонят ахейцев до самого лагеря и едва не поджигают их корабли. Тогда Ахиллес разрешает вступить в битву своему любимому другу Патроклу. Патрокл погибает, и Ахиллес, отрекшись наконец от гнева, мстит за смерть друга, сразив Гектора, главного героя и защитника троянцев, сына их царя Приама. Все главное в сюжете поэмы – от мифов, от Троянского цикла. С тем же циклом связана и «Одиссея», расска-

зывающая о возвращении на родину после падения Трои другого греческого героя – царя острова Итаки Одиссея. Но здесь главное – не миф: оба основных сюжетных компонента «Одиссеи» – возвращение супруга к супруге после долгого отсутствия и удивительные приключения в дальних, заморских краях – восходят к сказке и народной новелле. Различие между обеими поэмами этим не ограничивается, оно заметно и в композиции, и в деталях повествования, и в деталях мироощущения. Уже сами древние не были уверены, принадлежат ли обе поэмы одному автору, немало сторонников такого взгляда и в новые времена. И все же более вероятным – хотя, строго говоря, точно таким же доказуемым – представляется обратное мнение: сходного между «Илиадой» и «Одиссеей» все же больше, чем отличного.

Несходство и прямые противоречия обнаруживаются не только между поэмами, но и внутри каждой из них. Они объясняются в первую очередь упомянутой выше многослойностью греческого эпоса: ведь в мире, который рисует Гомер, совмещены и соседствуют черты и приметы нескольких эпох – микенской, предгомеровской (дорийской), гомеровской в собственном смысле слова. И вот рядом с дорийским обрядом сожжения трупов – микенское захоронение в земле, рядом с микенским бронзовым оружием – дорийское железо, неведомое ахейцам, рядом с микенскими самодержцами – безвластные дорийские цари, цари лишь по имени, а по сути родовые старейшины... В прошлом веке эти противоречия привели науку к тому, что под сомнение было поставлено само существование Гомера. Высказывалась мысль, что гомеровские поэмы возникли спонтанно, то есть сами собой, что это результат коллективного творчества – вроде народной песни. Критики менее решительные признавали, что Гомер все-таки существовал, но отводили ему сравнительно скромную роль редактора, или, точнее, компилятора, который умело свел воедино небольшие по размеру поэмы, принадлежавшие разным авторам, или, может быть, народные. Третьи, напротив, признавали за Гомером авторские права на большую часть текста, но художественную цельность и совершенство «Илиады» и «Одиссеи» относили на счет какого-то редактора более поздней эпохи.

Ученые неумолимо вскрывали все новые противоречия (нередко они бывали плодом ученого воображения или ученой придирчивости) и готовы были платить любую цену, лишь бы от них избавиться. Цена, однако же, оказалась слишком высока: выдумкою, фикцией обернулся не только Гомер, но и достоинства «мнимых» его творений, раздранных на клочки беспощадными перьями аналитиков (так называют ниспровергателей «единого Гомера»). Это было явной нелепостью, и в течение последних пятидесяти лет верх взяла противоположная точка зрения – унитарная. Для унитариев неоспоримо художественное единство гомеровского наследия, ощущаемое непосредственно любым непредвзятым читателем. Их цель – подкрепить это ощущение с помощью особого «анализа изнутри», анализа тех правил и законов, которые, сколько можно судить, ставил себе сам поэт, тех приемов, из которых складывается поэзия Гомера, того мироощущения, которое лежит в ее основе. Итак, взглянем на Гомера глазами непредвзятого читателя.

Прежде всего нас озадачит и привлечет сходство, близость древнего к современному. Гомер сразу же захватывает и сразу из предмета изучения становится частью нашего «я», как становится всякий любимый поэт, мертвый или живой – безразлично, потому что основным для нас будет эмоциональный отзыв, эстетическое переживание.

Читая Гомера, убеждаешься, что многое в его взгляде на мир – не только вечная и непреходящая истина, но и прямой вызов всем последующим векам. Важнейшее, что отличает этот взгляд, – его широта, желание понять разные точки зрения, терпимость, как сказали бы сегодня. Автор героического эпоса греков не питает ненависти к троянцам, бесспорным виновникам несправедливой войны (ведь это их царевич Парис нанес обиду людям и оскорбил божеский закон, похитив Елену, супругу своего гостеприимца, спартанского царя Менелая); скажем более – он уважает их, он им сочувствует, потому что и у них нет иного выбора, как сражаться, защищая свой город, жен, детей и собственную жизнь, и потому, что они сражаются

мужественно, хотя ахейцы и сильнее и многочисленнее. Они обречены; правда, сами они еще не знают этого, но Гомер-то знает исход войны и, великодушный победитель, сострадает будущим побежденным. И если, по словам самого поэта, «святая Троя» ненавистна богам «за вину Приаида Париса», то Гомер выше и благороднее богов-олимпийцев.

Широта взгляда вдохновляется добротой, человечностью. Едва ли случайно, что европейскую литературу открывает призыв к доброте и осуждение жестокости. Справедливость, которую обязаны блюсти люди и охранять боги, – во взаимной любви, кротости, приветливости, благодушии; беззаконие – в свирепстве, в бессердечии. Даже Ахиллесу, образцовому своему герою, не прощает Гомер «львиного свирепства», и поныне это не прописное проклятие прописному пороку, а живой опыт, за которым люди на протяжении своей истории платили так много и всякий раз сызнова. Человечность Гомера столь велика, что одерживает верх даже над неотъемлемыми признаками жанра: обычно героический эпос – это песнь войне как испытанию, обнаруживающему лучшие силы души, и Гомер в самом деле прославляет войну, но он уже и прокликает ее бедствия, ее безобразие, бесстыдное надругательство над человеческим достоинством. Первое, видимо, идет от примитивной морали варваров-дорийцев, второе – от новой морали законности и мира. Ей предстояло подчинить себе вселенную, и по сию пору нельзя еще сказать, чтобы эта задача была решена. Вот где Гомер встречается с Шекспиром, а мы – с тем и другим, вот что нам Гекуба! Мы отлично понимаем ужас старого Приама, заранее оплакивающего свою уродливую и бесславную гибель:

О, юноше славно,
Как ни лежит он, упавший в бою и растерзанный медью, –
Все у него и у мертвого, что ни открыто, прекрасно!
Если ж седую браду и седую главу человека,
Ежели стыд у старца убитого псы оскверняют, –
Участи более горестной нет человекам несчастным!

И несколько не меньше, не хуже понятен нам яростный шекспировский протест против судьбы, позволившей этому совершиться:

Стыдись, Фортуна! Дайте ей отставку,
О боги, отымите колесо, Разбейте обод, выломайте спицы
И ось его скатите с облаков
В крошечный ад!²

Унижение человека несправедливостью, насилием – это позор и мука для каждого из людей; свой наглый вызов злодейство бросает всему миропорядку, и, стало быть, каждому из нас, и, стало быть, каждый в ответе за злодейство. Гомер это предчувствовал, Шекспир ясно понимал.

Но терпимость нигде ни разу не оборачивается терпимостью к злу, робостью перед ним, попыткой его оправдать. Твердость этической позиции, серьезная и строгая однозначность в отношении к жизни, столь характерная для Гомера (и для античной традиции в целом), обладает в наших глазах особою притягательной силой. «Незыблемость скалы ценностей», от Гомера до наших дней – неискоренимость добра и честности перед лицом злобы и предательства, вечность тяги к прекрасному вопреки соблазнам безобразного, «вечность» максим и заповедей, которые иным простакам кажутся родившимися только вчера или даже сегодня, – несет в себе радость и ободрение. И не нужно подозревать, будто такая однозначность оце-

² Перевод Б. Пастернака.

нок – следствие примитивного, первобытного самодовольства, которому непонятно, что такое сомнение; нет, под нею скрыта органическая уверенность в себе здорового интеллекта, здорового чувства, уверенность в своем праве (и в своей обязанности!) решать и судить.

Для здорового чувства и здорового интеллекта жизнь – великий дар и самое драгоценное достояние, несмотря на все ее бедствия, муки и тяжкие превратности, несмотря на то, что Зевс изрекает с высоты небес:

...Из тварей, которые дышат и ползают в прахе,
Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека!

Но бессмертному не понять смертных, и поэт не только благороднее, но и мудрее своих богов. Он приемлет действительность спокойно и здраво, он улавливает в ней ритм чередующихся радостей и горестей и видит в таком чередовании непреложный закон бытия, и решительно говорит бытию «да», а небытию – «нет».

Решительно, но безоговорочно, потому что и в лицо смерти смотрит с таким же бесстрашием и спокойствием, как в лицо жизни. Неизбежность смерти не может и не должна отравить радость земного существования, а ее угроза – толкнуть на бесчестие. Одно из лучших и самых знаменитых мест в «Илиаде» – слова троянского героя Сарпедона, обращенные к другу перед битвою:

Друг благородный! когда бы теперь, отказавшись от брани,
Были с тобой навсегда нестареючи мы и бессмертны,
Я бы и сам не летел впереди перед воинством биться,
Я и тебя бы не влек на опасности славного боя.
Но и теперь, как всегда, неисчетные случаи смерти
Нас окружают, и смертному их не минуть, не избежать.
Вместе вперед! иль на славу кому, иль за славою сами!

Мироощущение Гомера – это высшее спокойствие и просветленность духа, который изведал и неистовый восторг, и неистовое отчаяние и поднялся выше обоих – над наивностью оптимизма и озлобленностью пессимизма.

Слова Сарпедона, призывающие друга в бой, читателя призывают задуматься, насколько свободен человек у Гомера – обладает ли он свободой выбора, свободой воли или скован «вышними силами» по рукам и ногам. Вопрос на редкость сложный, и ответы разноречивы, ибо разноречивы представления о богах и Судьбе, совмещившиеся в греческом эпосе. Довольно часто люди действительно жалуются, что они не более чем игрушки в руках богов, и во всех своих бедах и ошибках винят злокозненных небожителей, но если это так, почему боги негодуют на неправду, чинимую людьми? Тогда это их, божеская, неправда, и гомеровская мораль лишается основания. Как ни толкуй эти жалобы (а их можно объяснять и психологически, например, попыткой оправдаться, переложить собственную вину на чужие плечи), сгладить противоречие очень трудно. Да это и ни к чему. Тем более что мы встретим достаточно мест, где человек принимает решение сознательно, здраво взвешивая все «за» и «против», без всякой помощи (или коварной подсказки) свыше, и потому обязан нести ответственность за свой поступок. Подобные человеку во всем, боги Гомера и тут выступают в чисто человеческих ролях: они подают советы – совершенно так же, как мудрый старец Нестор, они участвуют в схватках – совершенно как смертные герои, иногда даже с меньшей удачей, чем смертные, не брезгают вмешательством и в мелочи земной жизни. Они способны помочь человеку или навредить ему, но решить его участь они не могут – ни один из них, даже Зевс.

Участь человека предопределена Судьбою, высшей в мире силою, которой подчиняются и сами боги. Они слуги Судьбы, исполнители ее решений; приблизить или отдалить назначенное Судьбою – вот все, на что они способны. Главное их преимущество перед людьми – знание, мудрость, предвидение будущего (так же как главная причина людской несправедливости, греха – это невежество, духовная слепота, глупость), и они охотно пользуются этим преимуществом, чтобы заранее известить смертного, что «предначертано ему роком». А это очень важно, поскольку в рамках предначертанного, в рамках необходимости почти всегда остается место свободе. Судьба предлагает дилемму: поступишь так-то – уцелеешь, поступишь по-иному – умрешь (что и значит «судьбе вопреки низойти в обитель Аида»). Выбор есть акт свободной воли, но, коль скоро он сделан, в его последствиях ничего нельзя изменить. Гермес внушал Эгисту, чтобы тот не покушался на жизнь Агамемнона, когда царь возвратится из похода на Троию, и не вступал в брак с его супругой. Эгист остался глух к наставлению бога и, как прежде, предал его Гермес, понес наказание от руки сына убитого.

Читая Гомера, убеждаешься, что бывают случаи, когда банальные, захватанные штампы, давно потерявшие смысл и выразительность, вдруг оживают. Он в самом деле «гений поэзии» и в самом деле «художник слова». Он рисует и лепит словом, созданное им зримо и осязаемо. Он обладает неповторимою даже среди собратьев по гениальности остротою глаза, и потому мир его видения – самые обыденные предметы в этом мире – резче, отчетливее, содержательнее, нежели то, что открывается любому иному взору. Это качество хотелось бы, вслед за Марксом, назвать детскостью, потому что лишь в ранние годы, лишь ребенку доступна такая зоркость. Но детскость Гомера – это еще и яркое солнце, которым пронизаны поэмы, и восхищение жизнью, во всяком ее облике (отсюда общая приподнятость тона, эпическая величавость), и неиссякаемое любопытство к деталям (отсюда бесчисленные, но никогда не утомляющие подробности). Детскость проявляется наконец и в том, как относится художник к своему материалу.

Писатель нового времени, как правило, борется с материалом, он *организует* слово и стоящую за ним действительность – это именно процесс организации, претворение хаоса в космос, беспорядка в порядок. Чем ближе к сегодняшнему дню, тем заметнее борьба, тем меньше старается художник скрыть ее от чужих глаз, а нередко и демонстративно выставляет сопротивление материала на всеобщий обзор. Античный писатель не знал этого сопротивления, у Гомера субъект еще не противопоставлен объекту (обществу или даже природе): так ребенок долго не осознает противоположности «я» и «не-я». Органическое ощущение единства слабло с веками, но вплоть до самого конца античной традиции не исчезало окончательно, и это придает всякой античной книге, и прежде всего гомеровским поэмам, особую цельность, которую ни с чем не спутаешь и которая влечет нас и радует – по контрасту. То же ощущение, пожалуй, запечатлено в современной Гомеру пластике и вазописи, обычно именуемых архаическими. Глядя на «курсов» (изваяния юношей в полный рост), на их сдержанную, скованную мощь и блаженную улыбку, разглядывая вазы и глиняные статуэтки, каждая из которых вправе называться шедевром, думаешь о том, с какою свободой и беззаботностью, с каким мудрым забвением повседневных тягот и тревог, с каким детским доверием к будущему и уверенностью в нем воспринимал мир древний художник. Потому-то и улыбаются губы, потому так широко открыты глаза – с любопытством ко всему на свете, с достоинством и спокойствием, которые чудесным образом сочетаются с экспрессией, смелою выразительностью движений в вереницах людей и животных.

То же и у Гомера. «Статические» зарисовки чередуются с «динамическими», и трудно сказать, какие удаются поэту лучше. Сравним:

В мантию был шерстяную, пурпурного цвета, двойную
Он облачен; золотою прекрасной с двойными крючками

Бляхой держалася мантия; мастер на бляхе искусно
Грозного пса и в могучих когтях у него молодую
Лань изваял...
...в изумление та бляха
Всех приводила. Хитон, я приметил, носил он из чудной
Ткани, как пленка, с головки сушеного снятая лука,
Тонкой и светлой, как яркое солнце: все женщины, видя
Эту чудесную ткань, удивлялись ей несказанно.

И:

Вышел таков Теламонид огромный, твердыня Данаев,
Грозным лицом осклабясь, и звучными сильными стопами
Шел, широко выступая, копьем длиннотенным колебля.

Чему отдать предпочтение, пусть каждый решит для себя сам, но в любом случае запомним, что упрекать гомеровский эпос в примитивной застылости, в неспособности изобразить движение – несправедливо и нелепо.

Зримость, наглядность, как основное качество поэзии Гомера, позволяет объяснить многое в «Илиаде» и «Одиссее». Становится понятным последовательное олицетворение всего отвлеченного (Обида, Вражда, Молитвы): то, чего нельзя охватить взором, для Гомера просто не существует. Понятна полная конкретность – не просто человекоподобие, но именно конкретность, вещьность – образов небожителей. Конкретность неизбежно снижает образ, и только здесь, в обостренном чувстве реальности, а никак не в первобытном вольнодумстве, надо искать причину того, что нашему восприятию кажется насмешкою над богами: боги Гомера вспыльчивы, тщеславны, злопамятны, высокомерны, простоваты, не чужды им и физические изъяны. Гомеровская мифология – первая, которая нам известна у греков; что в ней от общепринятых религиозных верований, что добавлено вымыслом поэта, никто не знает, и можно с большой вероятностью предполагать, что более поздние, классические представления об Олимпе и его обитателях во многом прямо заимствованы из «Илиады» и «Одиссеи» и происхождением своим обязаны художественному дару автора поэм.

Конкретность и вообще несколько снижает приподнятость тона, эпическую величавость. Одним из средств, создающих эту приподнятость, был особый язык эпоса – изначально неразговорный, сложенный из элементов различных греческих диалектов. Во все времена он звучал для самих греков остранинно и высоко и уже в классическую эпоху (V в. до н. э.) казался архаичным. Русский перевод «Илиады», выполненный Н. И. Гнедичем около полутора столетий назад, как нельзя вернее воспроизводит отчужденность эпического языка, его приподнятость надо всем обыденным, его древность.

Читая Гомера, убеждаешься: не только внешность мира, его лик, – когда улыбчивый, когда хмурый, когда грозный, – умел он изображать, но и человеческая душа, все ее движения, от простейших до самых сложных, были ведомы поэту. Есть в поэмах настоящие психологические открытия, которые и теперь при первой встрече – первом чтении – поражают и запоминаются на всю жизнь. Вот дряхлый Приам, тайком явившись к Ахиллесу в надежде получить для погребения тело убитого сына,

никем не примеченный, входит в покой и, Пелиду
В ноги упав, обымает колена и руки целует, –
Страшные руки, детей у него погубившие многих!

Цену этим строкам знал, бесспорно, и сам поэт: недаром чуть ниже он повторяет их, вложив в уста самого Приама и дополнив прямым «психологическим комментарием»:

Храбрый! почти ты богов! над моим злополучием сжался,
Вспомнив Пелея отца: несравненно я жалче Пелея!
Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!

Или еще пример – другое открытие: горе и сплачивает, и в то же время разъединяет людей. Дружно рыдают рабыни, оплакивая убитого Патрокла, но в душе каждая сокрушается о собственном горе, и так же плачут, сидя рядом, враги – Ахиллес и Приам:

За руку старца он взяв, от себя отклонил его тихо.
Оба они вспоминая: Приам – знаменитого сына,
Горестно плакал, у ног Ахиллесовых в прахе простертый,
Царь Ахиллес, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакал, и горестный стон их кругом раздавался по дому.

Или еще – всякое очень сильное чувство двулико, скорбное просветление скрыто на дне безутешного плача, за бешеным гневом таится сладость:

Гнев ненавистный, который и мудрых в неистовство вводит,
Он в зарождении сладостней тихо струящегося меда.

Психологизм в сочетании с даром художника – постоянным стремлением не рассказывать, а показывать – сообщает эпосу качества драмы: характеры раскрываются не со стороны, а непосредственно, в речах героев. Речи и реплики занимают приблизительно три пятых текста. В каждой из поэм около семидесяти пяти говорящих персонажей, и все это живые лица, их не спутаешь друг с другом. Древние называли Гомера первым трагическим поэтом, а Эсхил утверждал, что его, Эсхила, трагедии – лишь крохи с пышного стола Гомера. И правда, многие знаменитые, психологически совершенные эпизоды «Илиады» и «Одиссеи» – это сцены, словно бы специально написанные для театра. К их числу принадлежат свидание Гектора с Андромахой в VI песни «Илиады», появление Одиссея перед феакийской царевною Навсикаей и «узнание» его старой нянькою Евриклеей – в VI и XIX песнях «Одиссеи».

Читая Гомера, убеждаешься, что обе поэмы (в особенности «Илиада») – чудо композиции, и дивисься безумной отваге аналитиков, утверждавших, будто эти виртуознейшие конструкции сложились сами собой, стихийно, спонтанно. Трудно сомневаться, что расположение материала было строго и тщательно обдуманно, – именно потому так полно исчерпываются все начатые однажды темы, так плотно сконцентрировано действие. Всего одиннадцать стихов потребовалось автору «Илиады», чтобы ввести слушателя (или читателя) в суть дела, в самую гущу событий; в одиннадцати строках экспозиции открываются и главная тема всего произведения – гнев Ахиллеса, и повод к гневу, и обстоятельства, предшествовавшие ссоре вождей, и даже божественная подоплека событий («совершалася Зевсова воля»). Сразу же за тем начинается действие, которое длится до тех пор, пока не иссякает полностью главная тема. Ни убийство Гектора, ни надругательство над его телом, ни пышные похороны Патрокла, ни погребальные игры в честь друга не приносят успокоения Ахиллесу. Только после свидания с Приамом наступает перелом: душа, омраченная яростью и отчаянием, словно просветляется, омытая слезами, которые вместе проливают убийца и отец убитого. И затем такое же просветленное завершение второй темы – темы Гектора, которая неотделима от главной, ею рождена

и дополняет ее. Эпилога в «Илиаде» нет, и вплоть до последней, завершающей строки: «Так погребали они конеборного Гектора тело» – длится развязка, всем духом своим напоминающая развязку трагедии. Напоминает о трагедии и темп повествования, неровный, порывистый, изобилующий резкими, неожиданными поворотами – в трагедии их называют перипетиями. Главная перипетия решает судьбу героя и решительно направляет действие к кульминации и развязке. В «Илиаде» роль главной перипетии играет гибель Патрокла, кульминации – умерщвление Гектора.

И эпизоды и образы «Илиады» объединены вокруг главной темы и главного героя, образуя тесно связанную систему. Все события поэмы укладываются в девять дней (впрочем, если считать и «пустые промежутки» между сгустками действия, дней набирается пятьдесят один). «Одиссея» построена несколько иначе, более рыхло. Здесь нет такого сгущения действия, такую тесного переплетения различных его линий (хотя «действенных» дней тоже девять). Более независимы друг от друга и образы: нет таких психологически взаимодополняющих или противопоставленных пар, как Ахиллес – Гектор, или Ахиллес – Диомед, или Ахиллес – Патрокл, связи между персонажами по преимуществу внешние, сюжетные. Но надо помнить, что перед поэтом стояла труднейшая задача – изложить десятилетнюю предысторию возвращения на Итаку, рассказать о десятилетних скитаниях героя. Выходит, что большая рассредоточенность действия была задана самим сюжетом.

Изучая построение поэм, ученые открыли у Гомера особый композиционный стиль, который называли «геометрическим». Его основа – острое чувство меры и симметрии, а результат – последовательное членение текста на триптихи (тройное деление). Так, первые пять песней «Одиссеи» составляют структуру из двух триптихов. Первый: совет богов и их намерение вернуть Одиссея на родину (I, 100) – Телемах и женихи на Итаке (I, 101–II) – Телемах гостит у Нестора в Пилосе (III). Второй: Телемах гостит у Менелая в Спарте (IV, 1–IV, 624) – женихи на Итаке (IV, 625–IV, 847) – совет богов и начало пути Одиссея на родину (V). Второй триптих как бы зеркально отражает первый, получается симметричное расположение элементов по обе стороны от центральной оси. Конечно, это результат не расчета, а врожденного дара: автор, вернее всего, и не подозревал о собственном геометризме. Нам, читателям, геометризм открывается непосредственно. Мы говорим о нем нечетко и расплывчато, называя общую стройностью, изяществом, соразмерностью. Но как бы там ни было, мы наслаждаемся этой непрдуманной, ненарочитой соразмерностью, – быть может, в противоположность нарочитой асимметричности, которая становится эстетической нормой в новейшее время.

Со всем тем нельзя настаивать, что композиция поэм – и не только композиция – совершенно свободна от изъянов, с точки зрения современного читателя. Остатки примитивного творческого метода древних певцов обнаруживаются и в утомительных длиннотах, и в сюжетных повторях, резко снижающих занимательность (например, в начале XII песни «Одиссеи» волшебница Цирцея заранее и довольно подробно рассказывает о приключениях, которые будут содержанием этой же самой песни), и в так называемом законе хронологической несовместимости: действия одновременные и параллельные Гомер изобразить не может, а потому рисует их разновременными, следующими одно за другим. По милости этого закона гомеровские битвы выглядят цепочками поединков – каждая пара бойцов терпеливо дожидается своей очереди, да и внутри пары строго соблюдается очередность – разом противники никогда не бьют.

В список изъянов можно было бы внести и пресловутое «эпическое (или даже гомеровское) спокойствие», ибо чистая, беспримесная объективность, полная незаинтересованность – мертвы и к искусству не принадлежат. Но, хотя «гомеровское спокойствие» часто считается необходимым признаком эпического стиля, это выдуманный признак. Гомер отнюдь не устранился от суждения о происходящем. Расставив декорации и выпустив на сцену актеров, он уже не вмешивается в игру, но и не прячется все время за кулисами, а то и дело выходит к зрителям

и говорит с ними, комментируя происходящее, иной раз он обращается к Музе и к действующим лицам. Ученые подсчитали, что подобные «прямые высказывания» составляют около 1/5 всего текста. Самая замечательная их часть – это, бесспорно, авторские (или эпические) сравнения. В обычном сравнении, каким бы образным оно ни было, каждое слово направлено к возможно более полному изображению сравниваемого. Если Одиссей притворно жалуется:

...Но все миновалось;
Я лишь солома теперь, по соломе, однако, и прежний
Колос легко распознаешь ты –

здесь все «идет в дело»: я теперь как вымолоченная солома, но как по соломе легко догадаться, что за колос она несла, так и ты, глядя на меня, догадаешься, что за человек я был прежде. Но когда о младших начальниках, строящих войско к бою, говорится:

Подобно как волки,
Хищные звери, у коих в сердцах беспредельная дерзость,
Кои елени рогатого, в дебри нагорной повергнув,
Зверски терзают, у всех обагрованы кровию пасти,
После стаею целой к источнику черному рыщут,
Там языками их гибкими мутную воду потока
Локчут, рыгая кровь поглощенную, в персях их бьется
Неукротимое сердце, и всех их раздуты утробы, –
В брань таковы мирмидонян вожди и строители ратей
Реяли окрест Патрокла, –

то собственно сравнению отведены три строки из десяти: вожди мирмидонян, окружавшие Патрокла, были похожи на волков. Остальные семь – особая картина, ничем фактически не связанная с окружающим текстом. Когда-то считали, что авторские сравнения только украшают эпос, но никакой функциональной нагрузки не несут. Теперь думают по-другому: авторские сравнения – это выход из условной, поэтической действительности в мир, доподлинно окружавший певца и его слушателей; чувства слушателей, изменяя свое направление, как бы получали отдых, чтобы затем с новым напряжением обратиться к судьбам героев.

Если авторские сравнения должны были служить эмоциональным контрастом к основному повествованию, ясно, что темы для сравнений заимствовались преимущественно из мирной жизни. В «Илиаде», более одухотворенной, монументальной и сумрачной, монументальны и сравнения; в «Одиссее» они короче и проще, среди мотивов преобладают бытовые, – вероятно, в противоположность чудесам сказки. Мы видели, как гомеровский эпос соприкасается с драмою. В авторских сравнениях он становится самою настоящею лирикой. Читая Гомера, радуешься встрече с каждым новым сравнением, останавливаешься и медленно произносишь вслух – раз, другой, третий, наслаждаясь его прелестью, свежестью, смелостью и вместе с тем полнейшей естественностью, ненарочитостью.

Словно как на небе около месяца ясного сонмом
Кажутся звезды прекрасные, ежели воздух безветрен;
Все кругом открывается – холмы, высокие горы,
Долы, небесный эфир разверзается весь беспредельный;
Видны все звезды; и пастырь, дивуясь, душой веселится, –
Столько меж черных судов и глубокопучинного Ксанфа
Зрилось огней троянских.

Так помышляет о сладостном вечере пахарь, день целый
Свежее поле с четою волов бороздивший могучим
Плугом, и весело день провожает он взором на запад –
Тащится тяжелой стопой домой он готовить свой ужин.
Так Одиссей веселился, увидя склоненье на запад
Дня.

Читать «Илиаду» и «Одиссею», просто читать, как читаешь своего современника, не делая никаких скидок на века и тысячелетия, – вот самый лучший, самый верный путь к Гомеру. Он открыт и доступен всем.

Симон Маркиш

Песнь первая

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь

5

Жизни своей и возврате в отчизну сопутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога, –
День возврата у них он похитил. Скажи же об этом

10

Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.
Все уж другие, погибели верной избегшие, были
Дома, избегнув и брани и моря; его лишь, разлукой
С милой женой и отчизной крушимого, в гроте глубоком
Светлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной

15

Силой держала, напрасно желая, чтоб был ей супругом.
Но когда, наконец, обращеньем времен приведен был
Год, в который ему возвратиться назначили боги
В дом свой, в Итаку (но где и в объятиях верных друзей он
Всё не избег от тревог), преисполнились жалостью боги

20

Все; Посейдон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,
Богopodobного мужа, пока не достиг он отчизны.
Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов
(Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит
Бог светоносный, другие, где всходит), чтоб там от народа

25

Пышную тучных быков и баранов принять гекатомбу.
Там он, сидя на пиру, веселился; другие же боги
Тою порою в чертогах Зевесовых собраны были.
С ними людей и бессмертных отец начинает беседу;
В мыслях его был Эгист беспорочный (его же Атридов

30

Сын, знаменитый Орест, умертвил); и о нем помышляя,
Слово к собранью богов обращает Зевес Олимпиец:
“Странно, как смертные люди за все нас, богов, обвиняют!
Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?

35

Так и Эгист: не судьбе ль вопреки он супругу Атрида
Взял, умертвивши его самого при возврате в отчизну?
Гибель он верную ведал; от нас был к нему остроокий
Эрмий, губитель Аргуса, ниспослан, чтоб он на убийство
Мужа не смел посягнуть и от брака с женой воздержался.

40

“Мсть за Атрида свершится рукою Ореста, когда он
В дом свой вступить, возмужав, как наследник, захочет”, так было
Сказано Эрмием – тщетно! не тронул Эгистова сердца
Бог благосклонный советом, и разом за все заплатил он”.
Тут светлоокая Зевсова дочь Афинея Паллада

45

Зевсу сказала: “Отец наш, Кронион, верховный владыка,
Правда твоя, заслужил он погибель, и так да погибнет
Каждый подобный злодей! Но теперь сокрушает мне сердце

Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно он
Страждет, в разлуке с своими, на острове, волнообъятом

50

Пупе широкого моря, лесистом, где властвует нимфа,
Дочь кознодея Атланта, которому ведомы моря
Все глубины и который один подпирает громаду
Длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю.
Силой Атлантова дочь Одиссея, лиющего слезы,

55

Держит, волшебством коварно-ласкательных слов об Итаке
Память надеясь в нем истребить. Но, напрасно желая
Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий,
Смерти единой он молит. Ужель не войдет состраданье
В сердце твое, Олимпиец? Тебя ль не довольно дарами

60

Чтил он в троянской земле, посреди кораблей там ахейских
Жертвы тебе совершая? За что ж ты разгневан, Кронион?”
Ей возражая, отвечивал туч собиратель Кронион:
“Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Я позабыл Одиссея, бессмертным подобного мужа,

65

Столь отличенного в сонме людей и умом и усердным
Жертв приношеньем богам, беспредельного неба владыкам?
Нет! Посейдон обволнитель земли, с ним упорно враждует,
Все негодуя за то, что циклоп Полифем богоравный
Им ослеплен: из циклопов сильнейший, Фоосою нимфой,

70

Дочерью Форка, владыки пустынно-соленого моря,

Был он рожден от ее с Посейдоном союза в глубоком
Гроте. Хотя колебатель земли Посейдон Одиссея
Смерти предать и не властен, но, по морю всюду гоняя,
Все от Итаки его он отводит. Размыслим же вместе,

75

Как бы отчизну ему возвратить. Посейдон отказаться
Должен от гнева: один со всеми бессмертными в споре,
Вечным богам вопреки, без успеха он злобствовать будет”.
Тут светлоокая Зевсова дочь Афиня Паллада
Зевсу сказала: “Отец наш, Кронион, верховный владыка!

80

Если угодно блаженным богам, чтоб увидеть отчизну
Мог Одиссей хитроумный, то Эрмий аргусоубийца,
Воли богов совершитель, пусть будет на остров Огигский
К нимфе прекраснокудрявой ниспослан от нас возвестить ей
Наш приговор неизменный, что срок наступил возвратиться

85

В землю свою Одиссею, в бедах постоянному. Я же
Прямо в Итаку пойду возбудить в Одиссеевом сыне
Гнев и отважностью сердце его преисполнить, чтоб созвал
Он на совет густовласых ахейн и в дом Одиссеев
Вход запретил женихам, у него беспощадно губящим

90

Мелкий скот и быков криворогих и медленноходных.
Спарту и Пилос песчаный потом посетит он, чтоб сведать,
Нет ли там слухов о милом отце и его возвращенье,
Также, чтоб в людях о нем утвердилась добрая слава”.
Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,

95

Амброзиальные, всюду ее над водой и над твердым
Лоном земли беспредельный легким носящие ветром;
После взяла боевое копье, заостренное медью,
Твердое, тяжкоогромное, им же во гневе сражает
Силы героев она, громоносного бога рожденье.

100

Бурно с вершины Олимпа в Итаку шагнула богиня.
Там на дворе, у порога дверей Одиссеева дома,
Стала она с медноострым копьем, облеченная в образ
Гостя, тафийцев властителя, Ментеса; собранных вместе
Всех женихов, многобуйных мужей, там богиня узрела;

105

В кости играя, сидели они перед входом на кожах
Ими убитых быков; а глашатаи, стол учреждая,
Вместе с рабами проворными бегали: те наливали
Воду с вином в пировые кратеры; а те, ноздреватой
Губкой омывши столы, их сдвигали и, разного мяса

110

Много нарезав, его разносили. Богиню Афину
Прежде других Телемах богоравный увидел. Прискорбен
Сердцем, в кругу женихов он сидел, об одном помышляя:
Где благородный отец и как, возвратясь в отчизну,
Хищников он по всему своему разгоняет жилищу,

115

Власть восприимет и будет опять у себя господином.
В мыслях таких с женихами сидя, он увидел Афину;
Тотчас он встал и ко входу поспешно пошел, негодуя
В сердце, что странник был ждать принужден за порогом;

приближась,
Взял он за правую руку пришельца, копье его принял,

120

Голос потом свой возвысил и бросил крылатое слово:
“Радуйся, странник; войди к нам; радушно тебя угостим мы;
Нужду ж свою нам объявишь, насытившись нашею пищей”.
Кончив, пошел впереди он, за ним Афинейя Паллада.
С нею вступя в пировую палату, к колонне высокой

125

Прямо с копьем подошел он и спрятал его там в поставе
Гладкообтесанном, где запираемы в прежнее время
Копья царя Одиссея, в бедах постоянного, были,
К креслам богатым, искусной работы, подведши Афины,
Сесть в них ее пригласил он, покрыв наперед их узорной

130

Тканью; для ног же была там скамейка; потом он поставил
Стул резной для себя в отдаленье от прочих, чтоб гостю
Шум веселящейся буйно толпы не испортил обеда,
Также, чтоб втайне его расспросить об отце отдаленном.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им

135

Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,

140

Кубки златые на браном столе перед ними поставил;

Начал глашатай смотреть, чтоб вином наполнялися чаще
Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сели
Чином на креслах и стульях; глашатаи подали воду
Руки умыть им; невольницы хлеб принесли им в корзинах;

145

Отроки светлым напитком до края им налили чаши.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовлетворен голод их лакомой пищей, вошло им
В сердце иное – желание сладкого пенья и пляски:
Пиру они украшение; и звонкую цитру глашатай

150

Фемию подал, певцу, перед ними во всякое время
Петь принужденному; в струны ударив, прекрасно запел он.
Тут осторожно сказал Телемах светлоокой Афине,
Голову к ней приклонив, чтоб его не слышали другие:
“Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;

155

Здесь веселятся; у них на уме лишь музыка да пенье;
Это легко: пожирают чужое без платы, богатство
Мужа, которого белые кости, быть может, иль дождик
Где-нибудь мочит на бреге, иль волны по взморью катают.
Если б он вдруг перед ними явился в Итаке, то все бы,

160

Вместо того чтоб копить и одежды и золото, стали
Только о том лишь молиться, чтоб были их ноги быстрее.
Но погиб он, постигнутый гневной судьбой, и отрады
Нет нам, хотя и приходят порой от людей земнородных
Вести, что он возвратится, – ему уж возврата не будет.

165

Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? На каком корабле и какою дорогой
Прибыл в Итаку и кто у тебя корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты.

170

Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
В первый ли раз посетил ты Итаку иль здесь уж бывалый
Гость Одиссеев? В те дни иноземцев собиралось много
В нашем доме: с людьми обхождение любил мой родитель”.
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:

175

“Все откровенно тебе расскажу; я царя Анхиала
Мудрого сын, именуяся Ментесом, правлю народом
Веслолюбивых тафийцев; и ныне корабль мой в Итаку
Вместе с моими людьми я привел, путешествуя темным
Морем к народам иного языка; хочу я в Темесе

180

Меди добыть, на нее обменявшись блестящим железом;
Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым
На поле, в пристани Ретре, далеко от города. Наши
Предки издавна гостями друг другу считаются; это,
Может быть, слышишь нередко и сам ты, когда посещаешь

185

Деда героя Лаэрта... а он, говорят, уж не ходит
Более в город, но в поле далеко живет, удрученный
Горем, с старушкой служанкой, которая, старца покоя,
Пищей его подкрепляет, когда устает он, влачаясь

По полю взад и вперед посреди своего винограда.

190

Я же у вас оттого, что сказали мне, будто отец твой
Дома... но видно, что боги его на пути задержали:
Ибо не умер еще на земле Одиссей благородный;
Где-нибудь, бездной морской окруженный, на волнообъятом
Острове заперт живой он иль, может быть, страждет в неволе

195

Хищников диких, насильственно им овладевших. Но слушай
То, что тебе предскажу я, что мне всемогущие боги
В сердце вложили, чему неминуемо сбыться, как сам я
Верю, хотя не пророк и по птицам гадать неискусен.
Будет недолго он с милой отчизной в разлуке, хотя бы

200

Связан железными узами был; но домой возвратиться
Верное средство отыщет: на вымыслы он хитроумен.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Подлинно ль вижу в тебе Одиссеева сына? Ты чудно
С ним головой и глазами прекрасными сходен; еще я

205

Помню его; в старину мы друг с другом видались часто;
Было то прежде отплытия в Трою, куда из ахейян
Лучшие с ним в крутобоких своих кораблях устремились.
С той же поры ни со мной он, ни я с ним нигде не встречались”.
“Добрый мой гость, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –

210

Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
Мать уверяет, что сын я ему, но сам я не знаю:

Ведать о том, кто отец наш, наверное нам невозможно.
Лучше б, однако, желал я, чтоб мне не такой злополучный
Муж был отцом; во владеньях своих он до старости б поздней

215

Дожил. Но если уж ты вопрошаешь, то он, из живущих
Самый несчастливый ныне, отец мне, как думают люди”.
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
“Видно, угодно бессмертным, чтоб был не без славы в грядущем
Дом твой, когда Пенелопе такого, как ты, даровали

220

Сына. Теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая,
Что здесь у вас происходит? Какое собрание? Даешь ли
Праздник иль свадьбу пируешь? Не складочный пир здесь,
конечно.
Кажется только, что гости твои необузданно в вашем
Доме бесчинствуют: всякий порядочный в обществе с ними

225

Быть устыдиться, позорное их поведение видя”.
“Добрый мой гость, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно.
Некогда полон богатства был дом наш; он был уважаем
Всеми в то время, как здесь неотлучно тот муж находился.

230

Ныне ж иначе решили враждебные боги, покрывши
Участь его неприступною тьмою для целого света;
Менее стал бы о нем я крушиться, когда бы он умер:
Если б в троянской земле меж товарищей бранных погиб он
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,

235

Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,
Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Ныне же Гарпии взяли его, и безвестно пропал он,
Светом забытый, безгробный, одно сокрушение и вопли
Сыну в наследство оставив. Но я не о нем лишь едином

240

Плачу; другое великое горе мне боги послали:
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;

245

Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака
Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят”.
С гневом великим ему отвечала богиня Афина:
“Горе! Я вижу, сколь ныне тебе твой отец отдаленный

250

Нужен, чтоб сильной рукой с женихами бесстыдными сладить.
О, когда б он в те двери вступил, возвратяся внезапно,
В шлеме, щитом покровенный, в руке два копья медноострых!..
Так впервые увидел его я в то время, когда он
В доме у нас веселился вином, посетивши в Эфире

255

Ила, Мермерова сына (и той стороны отдаленной
Царь Одиссей достигал на своем корабле быстроходном;
Яда, смертельного людям, искал он, дабы напоить им
Стрелы свои, заощренные медью; но Ил отказался

Дать ему яда, всезрящих богов раздражить опасаясь;

260

Мой же отец им его наделил по великой с ним дружбе).
Если бы в виде таком Одиссей женихам вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
Но – того мы, конечно, не ведаем – в лоне бессмертных
Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратясь, истребить их

265

В этом жилище иль нет. Мы размыслим теперь совокупно,
Как бы тебе самому от грабителей дом свой очистить.
Слушай же то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Завтра, созвав на совет благородных ахеян, пред ними
Все объяви ты, в свидетели правды призвавши бессмертных;

270

После потребуй, чтоб все женихи по домам разошлись;
Матери ж, если супружество сердцу ее не противно,
Ты предложи, чтоб к отцу многосильному в дом возвратилась,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану, ее наделит он.

275

Также усердно советую, если совет мой ты примешь:
Прочный корабль с двадцатью снарядивши гребцами, отправься
Сам за своим отдаленным отцом, чтоб проведать, какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.

280

Пилос сперва посетив, ты узнай, что божественный Нестор
Скажет; потом Менелая найди златовласого в Спарте:

Прибыл домой он последний из всех меднолатных ахейян.
Если услышишь, что жив твой родитель, что он возвратится,
Жди его год, терпеливо снося притеснения; когда же

285

Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
В честь ему холм гробовой здесь насыпь и обычную пышно
Тризну по нем соверши; Пенелопу ж склони на замужество.
После, когда надлежащим порядком все дело устроишь,

290

Твердо решившись, умом осмотрительным выдумай средство,
Как бы тебе женихов, захвативших насильственно дом ваш,
В нем погубить иль обманом, иль явною силой; тебе же
Быть уж ребенком нельзя, ты из детского возраста вышел;
Знаешь, какую божественный отрок Орест перед целым

295

Светом украсился честью, отметивши Эгисту, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель?
Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,
Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили.
Время, однако, уж мне возвратиться на быстрый корабль мой

300

К спутникам, ждущим, конечно, меня с нетерпеньем и скукой.
Ты ж о себе позаботься, уваживши то, что сказал я”.
“Милый мой гость, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Пользы желая моей, говоришь ты со мною, как с сыном
Добрый отец; я о том, что советовал ты, не забуду.

305

Но подожди же, хотя и торопишься в путь; здесь прохладной
Баней и члены и душу свою освежив, возвратишься
Ты на корабль, к удовольствию сердца богатый подарок
Взяв от меня, чтоб его мне на память беречь, как обычай
Есть меж людьми, чтоб, прощался, гости друг друга дарили”.

310

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
“Нет! Не держи ты меня, тороплюсь я безмерно в дорогу;
Твой же подарок, обещанный мне так радушно тобою,
К вам возвратяся, приму и домой увезу благодарно,
В дар получив дорогое и сам дорогим отдаривши”.

315

С сими словами Зевесова дочь светлоокая скрылась,
Быстрой невидимо птицею вдруг улетев. Поселила
Твердость и смелость она в Телемаховом сердце, живет
Вспомнить заставив его об отце; но проник он душою
Тайну и чувствовал страх, угадав, что беседовал с богом.

320

Тут к женихам он, божественный муж, подошел; перед ними
Пел знаменитый певец, и с глубоким вниманьем сидели
Молча они; о печальном ахеян из Трои возврате,
Некогда им учрежденном богиней Афиною, пел он.
В верхнем покое своем вдохновенное пенье услышав,

325

Вниз по ступеням высоким поспешно сошла Пенелопа,
Старца Икария дочь многоумная: вместе сошли с ней
Две из служанок ее; и она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,

330

Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки; царица
С плачем тогда обратила к певцу вдохновенному слово:
“Фемий, ты знаешь так много других, восхищающих душу
Песней, сложенных певцами во славу богов и героев;

335

Спой же из них, пред собранием сидя, одну; и в молчанье
Гости ей будут внимать за вином; но прерви начатую
Песню печальную; сердце в груди замирает, когда я
Слышу ее: мне из всех жесточайшее горе досталось;
Мужа такого лишась, я всечасно скорблю о погибшем,

340

Столь преисполнившем славой своей и Элладу и Аргос”.
“Милая мать, – возразил рассудительный сын Одиссеев, –
Как же ты хочешь певцу запретить в удовольствие наше
То воспевать, что в его пробуждается сердце? Виновен
В том не певец, а виновен Зевес, посылающий свыше

345

Людям высокого духа по воле своей вдохновенье.
Нет, не препятствуй певцу о печальном возврате данаев
Петь – с похвалою великою люди той песне внимают,
Всякий раз ею, как новою, душу свою восхищая;
Ты же сама в ней найдешь не печаль, а печали усладу:

350

Был не один от богов осужден потерять день возврата
Царь Одиссей, и других знаменитых погибло немало.
Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе

Были своей: говорить же не женское дело, а дело

355

Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель”.
Так он сказал; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда

360

Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
Тою порой женихи в потемневшей палате шумели,
Споря о том, кто из них с Пенелопею ложе разделит.
К ним обратясь, сказал рассудительный сын Одиссеев:
“Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,

365

Станем спокойно теперь веселиться: прервите ваш шумный
Спор; нам приличней вниманье склонить к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
Завтра же утром вас всех приглашаю собраться на площадь.
Там всенародно в лицо вам скажу, чтоб очистили все вы

370

Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
Тратя на них и черед наблюдая в своих угощеньях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы, – сожрите
Все; но на вас я богов призову; и Зевес не замедлит

375

Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами”.

Он замолчал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Но Антиной, сын Евпейтов, ему отвечал, возражая:

380

“Сами боги, конечно, тебя, Телемах, научили
Быть столь кичливым и дерзким в словах, и беда нам, когда ты
В волнообъятой Итаке, по воле Крониона, будешь
Нашим царем, уж имея на то по рождению и право!”
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:

385

“Друг Антиной, не сердись на меня за мою откровенность:
Если б владычество дал мне Зевес, я охотно бы принял.
Или ты мыслишь, что царская доля всех хуже на свете?
Нет, конечно, царем быть не худо; богатство в царевом
Доме скопится скоро, и сам он в чести у народа.

390

Но меж ахейцами волнообъятой Итаки найдется
Много достойнейших власти и старых и юных; меж ними
Вы изберите, когда уж не стало царя Одиссея.
В доме ж своем я один повелитель; здесь мне подобает
Власть над рабами, для нас Одиссеем добытыми в битвах”.

395

Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Телемаху:
“О Телемах, мы не знаем – то в лоне бессмертных сокрыто, –
Кто над ахейцами волнообъятой Итаки назначен
Царствовать; в доме ж своем ты, конечно, один повелитель;
Нет, не найдется, пока обитаема будет Итака,

400

Здесь никого, кто б дерзнул на твое посягнуть достоянье.
Но я желал бы узнать, мой любезный, о нынешнем госте.
Как его имя? Какую своим он отечеством славит
Землю? Какого он рода и племени? Где он родился?
С вестью ль к тебе о желанном возврате отца приходил он?

405

Иль посетил нас, по собственной нужде заехав в Итаку?
Вдруг он отсюда пропал, не дождавшись, чтоб с ним хоть
немного
Мы ознакомились; был человек не простой он, конечно”.
“Друг Евримах, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –

410

День свиданья с отцом навсегда мной утрачен; не буду
Более верить ни слухам о скором его возвращенье,
Ниже напрасным о нем прорицаньям, к которым, сзывая
В дом свой гадателей, мать прибегает. А нынешний гость наш
Был Одиссеевым гостем; он родом из Тафоса, Ментес,

415

Сын Анхиала, царя многоумного, правит народом
Веслолюбивых тафийцев”. Но, так говоря, убежден был
В сердце своем Телемах, что богиню бессмертную видел.
Те ж, опять обратившись к пляске и сладкому пенью,
Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же

420

Черная ночь посреди их веселого шума настала,
Все разошлись по домам, чтоб предаться беспечно покою.
Скоро и сам Телемах в свой высокий чертог (на прекрасный
Двор обращен был лицом он с обширным пред окнами видом),
Всех проводивши, пошел, про себя размышляя о многом.

425

Факел зажженный неся, перед ним с осторожным усердьем
Шла Еврикля, разумная дочь Певсенорида Опса;
Куплена в годах цветущих Лаэртом она – заплатил он
Двадцать быков, и ее с благонаправной своею супругой
В доме своем уважал наравне, и себе не позволил

430

Ложа коснуться ее, опасался ревности женской.
Факел неся, Еврикля вела Телемаха – за ним же
С детства ходила она и ему угождала усердней
Прочих невольниц. В богатую спальню она отворила
Двери; он сел на постелю и, тонкую снявши сорочку,

435

В руки старушки заботливой бросил ее; осторожно
В складки сложив и уладив, на гвоздь Еврикля сорочку
Подле кровати, искусно точеной, повесила; тихо
Вышла из спальни; серебряной ручкою дверь затворила;
Крепко задвижку ремнем затянула; потом удалилась.

440

Он же всю ночь на постеле, покрытой овчиною мягкой,
В сердце обдумывал путь, учрежденный богиней Афиной.

Песнь вторая

Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос;
Ложу покинул тогда и возлюбленный сын Одиссеев;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил,
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,

5

Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.
Звонкоголосых глашатаев царских созвав, повелел он
Кликнуть им клич, чтоб на площадь собрать густовласых ахейан;
Кликнули те; собрались на площадь другие; когда же
Все собрались они и собрание сделалось полным,

10

С медным в руке он копьем перед сонмом народным явился –
Был не один, две лихие за ним прибежали собаки.
Образ его несказанной красой озарила Афина,
Так что дивилися люди, его подходящего видя.
Старцы пред ним раздалися, и сел он на месте отцовом.

15

Первое слово тогда произнес благородный Египтий,
Старец, согбенный годами и в жизни изведавший много;
Сын же его Антифонт копьевержец с царем Одиссеем
В конеобильную Трою давно в корабле крутобоком
Поплыл; он был умерщвлен Полифемом свирепым в глубоком

20

Гроде, последний, похищенный им для вечерняя пищи.
Три оставались старцу: один, Еврином, с женихами
Буйствовал; два помогали отцу обрабатывать поле;
Но о погибшем не мог позабыть он; об нем он все плакал,
Все сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:

25

“Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Мы на совет не сходились ни разу с тех пор, как отсюда
Царь Одиссей в быстроходных своих кораблях удалился.
Кто же нас собрал теперь? Кому в том внезапная нужда?
Юноша ли расцветающий? Муж ли, годами созрелый?

30

Слышал ли весть о идущей на нас неприятельской силе?
Хочет ли нас остеречь, наперед все подробно разведав?
Или о пользе народной какой предложить нам намерен?
Должен быть честный он гражданин; слава ему! Да поможет
Зевс помышлениям добрым его совершиться успешно”.

35

Кончил. Словами его был обрадован сын Одиссеев;
Встать и к собранию речь обратить он немедля решился;
Выступил он пред людей, и ему, к ним идущему, в руку
Скипетр вложил Певсенеор, глашатай, разумный советник.
К старцу сперва обратясь, ему он сказал: “Благородный

40

Старец, он близко (и скоро его ты узнаешь), кем здесь вы
Собраны, – это я сам, и печаль мне великая ныне.
Я не слыхал о идущей на нас неприятельской силе;
Вас остеречь не хочу, наперед все подробно разведав.
Также о пользах народных теперь предлагать не намерен.

45

Ныне о собственной, дом мой постигшей, беде говорю я.
Две мне напасти; одна: мной утрачен отец благородный,
Бывший над вами царем и всегда, как детей, вас любивший;

Более ж злая другая напасть, от которой весь дом наш
Скоро погибнет и все, что в нем есть, до конца истребится,

50

Та, что преследуют мать женихи неотступные, наших
Граждан знатнейших, собравшихся здесь, сыновья; им противно
Прямо в Икариев дом обратиться, чтоб их предложенье
Выслушал старец и дочь, наделенную щедро приданым,
Отдал по собственной воле тому, кто приятнее сердцу.

55

Нет; им удобней, вседневно врываясь в дом наш толпою,
Наших быков, и баранов, и коз откормленных резать,
Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
Тратить. Наш дом разоряется, ибо уж нет в нем такого
Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить.

60

Сами же мы беспомощны теперь, равномерно и после
Будем, достойные жалости, вовсе без всякой защиты.
Если бы сила была, то и сам я нашел бы управу;
Но нестерпимы обиды становятся; дом Одиссеев
Грабят бесстыдно. Ужель не тревожит вас совесть? По крайней

65

Мере, чужих устыдитесь людей и народов окружных,
Нам сопредельных, богов устрашитесь мщенья, чтоб гневом
Вас не постигли самих, негодуя на вашу неправду.
Я ж к олимпийскому Зевсу взываю, взываю к Фемиде,
Строгой богине, советы мужей учреждающей! Наше

70

Право признайте, друзья, и меня одного сокрушаться

Горем оставьте. Иль, может быть, мой благородный родитель
Чем оскорбил здесь умышленно меднообутых ахейян;
Может быть, то оскорбление на мне вы умышленно мстите,
Грabitь наш дом возбуждая других? Но желали бы лучше

75

Мы, чтоб и скот наш живой, и лежащий запас наш вы сами
Силою взяли; тогда бы для нас сохранилась надежда:
Мы бы дотопе по улицам стали скитаться, моля вас
Наше отдать нам, покуда не все бы нам отдано было;
Ныне ж вы сердце мое безнадежным терзаете горем”.

80

Так он во гневе сказал и повергнул на землю свой скипетр;
Слезы из глаз устремились: народ состраданье проникло;
Все неподвижно-безмолвны сидели; никто не решился
Дерзостным словом ответить сыну царя Одиссея.
Но Антиной поднялся и воскликнул, ему возражая:

85

“Что ты сказал, Телемах, необузданный, гордоречивый?
Нас оскорбив, ты на нас и вину возложить замышляешь?
Нет обвинять ты не нас, женихов, пред ахейским народом
Должен теперь, а свою хитроумную мать, Пенелопу.
Три совершилось года, уже наступил и четвертый

90

С тех пор, как, нами играя, она подает нам надежду
Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
Добрые шлет к нам, недоброе в сердце для нас замышляя.
Знайте, какую она вероломно придумала хитрость:
Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там

95

Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
“Юноши, ныне мои женихи, – поелику на свете
Нет Одиссея, – отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я

100

Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова”.
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,

105

Факел зажегши, сама все натканное днем распускала.
Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
Но когда обращеньем времен приведен был четвертый –
Всем нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;
Сами тогда ж мы застали ее за распущенной тканью;

110

Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
Ты же нас слушай; тебе отвечаем, чтоб мог ты все ведать
Сам и чтоб ведали все равномерно с тобой и ахейцы:
Мать отошли, повелев ей немедля, на брак согласившись,
Выбрать меж нами того, кто отцу и самой ей угоден.

115

Если же долее будет играть сыновьями ахеян...
Разумом щедро ее одарила Афина; не только
В разных она рукодельях искусна, но также и много
Хитростей знает, неслыханных в древние дни и ахейским

Женам прекраснокудрявым неведомых; что ни Алкмене

120

Древней, ни Тиро, ни пышно-венчанной царевне Микене
В ум не входило, то ныне увертливый ум Пенелопы
Нам ко вреду изобрел; но ее изобретенья тщетны;
Знай, не престанем твой дом разорять мы до тех пор, покуда
Будет упорна она в помышленьях своих, ей богами

125

В сердце вложенных; конечно, самой ей в великую славу
То обратится, но ты истребленье богатства оплачешь;
Мы, говорю, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока Пенелопа меж нами не выберет мужа”.
“О Антиной, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –

130

Я не дерзну и помыслить о том, чтоб велеть удалиться
Той, кто меня родила и вскормила; отец мой далеко;
Жив ли, погиб ли, – не знаю; но трудно с Икарием будет
Мне расплатиться, когда Пенелопу отсюда насильно
Вышлю, – тогда я подвергнусь и гневу отца, и гоненью

135

Демона: страшных Эриний, свой дом покидая, назовет
Мать на меня, и стыдом пред людьми я покроюсь вечным.
Нет, никогда не отважусь сказать ей подобного слова.
Вы же, когда хоть немного тревожит вас совесть, покиньте
Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше

140

Тратя на них и черед наблюдая в своих угощеньях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче

Всем одного разорять произвольно, без платы, – сожрите
Все; но на вас я богов призову, и Зевес не замедлит
Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,

145

Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами”.
Так говорил Телемах. И внезапно Зевес громовержец
Свыше к нему двух орлов ниспослал от горы каменистой;
Оба сначала, как будто несомые ветром, летели
Рядом они, широко распустивши огромные крылья;

150

Но, налетев на средину собрания, полного шумом,
Начали быстро кружить с непрерывными взмахами крыльев;
Очи их, сверху на головы глядя, сверкали бедою;
Сами потом, расцарапав друг другу и груди и шеи,
Вправо умчались они, пролетев над собраньем и градом.

155

Все, изумленные, птиц провожали глазами, и каждый
Думал о том, что явление их предвещало в грядущем.
Выступил тут пред народ Алиферс, многоопытный старец,
Сын Масторов; из сверстников всех он один по полету
Птиц был искусен гадать и пророчил грядущее; полный

160

Мыслей благих, обратясь к согражданам, так им сказал он:
“Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки.
Прежде, однако, дабы женихов образумить, скажу я
Им, что беда неизбежная мчится на них, что недолго
Будет в разлуке с семейством своим Одиссей, что уже он

165

Где-нибудь близко таится, и смерть и погибель готова
Всем им, что также и многим другим из живущих в Итаке
Горновозвышенной бедствие будет. Размыслим же, как бы
Вовремя нам обуздать их; но лучше, конечно, когда бы
Сами они усмирились; то ныне всего бы полезней

170

Было для них: не безопытно так говорю, но наверно
Зная, что будет; сбылось, утверждаю, и все, что ему я
Здесь предсказал перед тем, как пошли кораблями ахейцы
В Трою и с ними пошел Одиссей многоумный. По многих
Бедствиях (так говорил я) и спутников всех потерявши,

175

Всем незнакомый, в исходе двадцатого года в отчизну
Он возвратится. Мое предсказанье свершается ныне”.
Кончил. Ему отвечал Евримах, сын Полибиев: “Лучше,
Старый рассказчик, домой возвратись и своим малолетним
Детям пророчествуй там, чтоб беды им какой не случилось.

180

В нашем же деле вернее тебя я пророк; мы довольно
Видим летающих на небе в светлых лучах Гелиоса
Птиц, но не все роковые. А царь Одиссей в отдаленном
Крае погиб. И тебе бы погибнуть с ним вместе! Тогда бы
Здесь ты не стал предсказаний таких вымышлять, возбуждая

185

Гнев в Телемахе, уже раздраженном, и, верно, надеясь
Что-нибудь в дар от него получить для себя и домашних.
Слушай, однако, – и то, что услышишь, исполнится верно, –
Если ты этого юношу с старым своим многознаньем
Будешь пустыми словами на гнев возбуждать, то, конечно,

190

Это в сугубое горе ему самому обратится;
Против нас всех он один ничего совершить не успеет.
Ты ж, безрассудный старик, навлечешь на себя наказание,
Тяжкое сердцу: мы горько заставим тебя сокрушаться.
Ныне я боле полезный совет предложу Телемаху:

195

Матери пусть повелит он к Икарию в дом возвратиться,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану ее, наделит он.
Иначе, думаю, мы, сыновья благородных ахейян,
Мучить ее не престанем своим сватовством. Никого здесь

200

Мы не боимся, ни полного звучных речей Телемаха,
Ниже пророчеств, которыми ты, говорун поседельный,
Всем докучаешь, – ты нам оттого ненавистней; а дом их
Весь разорим мы на наши пиры, и от нас воздаянья
Им не иметь никакого, пока на желаемый нами

205

Брак не решится она; ожидая вседневно, кто будет
Ею из нас наконец предпочтен, мы к другим обратиться
Медлим невестам, чтоб выбрать, как следует, жен между ними”.
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
“О Евримах и вы все, женихи знаменитые, боле

210

Вас убеждать не хочу и вперед не скажу вам ни слова;
Боги все ведают, все благородным ахейцам известно.
Вы же мне прочный корабль с двадцатью приобыкшими быстро
По морю плавать гребцами теперь снарядите: хочу я

Спарту и Пилос песчаный сперва посетить, чтоб проведать,

215

Есть ли там слухи какие о милом отце и какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.
Если узнаю, что жив он, что он возвратится, то буду
Ждать его год, терпеливо снося притеснения; когда же

220

Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
В честь ему холм гробовой здесь насыплю и должную пышно
Тризну по нем совершу; Пенелопу ж склоню на замужство”.
Кончив, он сел и умолкнул. Тогда поднялся неизменный

225

Спутник и друг Одиссея, царя беспорочного, Ментор.
Вверил ему Одиссей при отплытии дом, быть покорным
Старцу Лаэрту и все сберегать повелевши. И полный
Мыслей благих, обратяся к согражданам, так им сказал он:
“Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;

230

Кротким, благим и приветливым быть уж вперед ни единый
Царь скиптоносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,
Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело,
Если могли вы забыть Одиссея, который был нашим
Добрым царем и народ свой любил, как отец благодушный.

235

Нужды мне нет обвинять женихов необузданно-дерзких
В том, что они, самовластвуя здесь, замышляют худое.

Сами своею играют они головой, разоряя
Дом Одиссея, которого, мыслят, уж мы не увидим.
Вас же, граждане Итаки, хочу пристыдить: здесь собравшись,

240

Вы равнодушно сидите и слова не скажете против
Малой толпы женихов, хоть самих вас число и большое”.
Сын Евеноров тогда, Леокрит, негодуя, воскликнул:
“Что ты сказал, безрассудный, зломысленный Ментор?
Смирить нас
Гражданам ты предлагаешь; но сладить им с нами, которых

245

Также немало, на пиршестве трудно. Хотя бы внезапно
Сам Одиссей твой, Итаки властитель, явился и силой
Нас, женихов благородных, в его веселящихся доме,
Выгнать оттуда замыслил, его возвращенье в отчизну
Было б жене, тосковавшей так долго по нем, не на радость:

250

Злая погибель его бы постигла, когда бы нас многих
Вздумал один одолеть он; неумное слово сказал ты.
Вы ж разойдитесь, люди, и каждый займися домашним
Делом. А Ментор пускай и мудрец Алиферс, Одиссею
Верность свою сохранившие, в путь снарядят Телемаха;

255

Долго, однако, я думаю, здесь просидит он, собирая
Вести; пути же ему своего совершить не удастся”.
Так он сказав, распустил самовольно собрание народа.
Все, удалясь, по своим разошлись домам; женихи же
В дом Одиссея, царя благородного, вновь возвратились.

260

Но Телемах одиноко пошел на песчаное взморье.
Руки соленою влагой умыв, возгласил он к Афине:
“Ты, посетившая дом мой вчера и в туманное море
Плыть повелевшая мне, чтоб разведал я, странствуя, нет ли
Слухов о милом отце и его возвращенье, богиня,

265

Мне помоги благосклонно; ахейцы мой путь затрудняют;
Паче ж других женихи многосильные, полные злобы”.
Так говорил он, молясь, и пред ним во мгновение ока,
Сходная с Ментором видом и речью, предстала Афина.
Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:

270

“Смел, Телемах, и разумен ты будешь, когда обладаешь
Тою великою силой, с какою и словом и делом
Всё твой отец, что хотел, совершал; и достигнешь желанной
Цели, свой путь беспрепятственно кончив; когда ж не прямой ты
Сын Одиссеев, не сын Пенелопин прямой, то надежды

275

Нет, чтоб успешно ты мог совершить предприятое дело.
Редко бывают подобны отцам сыновья; все большею
Частью хуже отцов и немногие лучше. Но будешь
Ты, Телемах, и разумен и смел, поелику не вовсе
Ты Одиссеевой силы великой лишен; и надежда

280

Есть для тебя, что успешно свершишь предприятое дело.
Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляют – оставь их;
Горе безумным! Они в слепоте, незнакомые с правдой,
Смерти своей не предвидят, ни черной судьбы, ежедневно

К ним подступающей ближе и ближе, чтоб вдруг погубить их.

285

Ты же свое предпринять путешествие можешь немедля;
Будучи другом твоим по отцу твоему, снаряжу я
Быстрый корабль для тебя и последую сам за тобою.
Но возвратися теперь к женихам; а тебе на дорогу
Пусть приготовят съестное, пускай им наполнят сосуды;

290

Пусть и в амфоры вина нацедят и муки, мореходца
Снеди питательной, в кожаных, плотных мехах приготовят.
Тою порой я гребцов наберу; кораблей же в Итаке,
Морем объятой, немало и новых и старых; меж ними
Лучший я выберу сам; и немедленно будет он нами

295

В путь изготовлен, и спустим его на священное море”.
Так говорила Афина, Зевесова дочь, Телемаху.
Голос богини услышав, он берег немедля покинул.
В дом возвратися с печалию милого сердца, нашел он
Там женихов многосильных: одни обдирали в покаях

300

Коз, а другие, зарезав свиней, на дворе их палили.
С колкой усмешкой к нему подошел Антиной и, насильно
За руку взявши его и назвавши по имени, молвил:
“Юноша вспыльчивый, злой говорун, Телемах, не заботься
Боле о том, чтоб вредить нам иль словом, иль делом, а лучше

305

Дружески с нами без всяких забот веселись, как бывало.
Волю ж твою не замедлят ахейцы исполнить: получишь

Ты и корабль, и отборных гребцов, чтоб скорее достигнуть
В Пилос, любезный богам, и узнать об отце отдаленном”.
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:

310

“Нет, Антиной, неприлично мне с вами, надменными, вместе
Против желанья сидеть за столом, веселясь беззаботно;
Будьте довольны и тем, что имущество лучшее наше
Вы, женихи, разорили, покуда я был малолетен.
Ныне ж, когда, возмужав и советников слушая умных,

315

Все я узнал и когда уж во мне пробудилася бодрость,
Я попытаюсь на шею вам Парк неизбежных накликасть,
Так ли, иначе ли, съездив ли в Пилос иль здесь отыскавши
Средство. Я еду – и путь мой напрасен не будет, хотя я
Еду попутчиком, ибо (так было устроено вами)

320

Здесь мне иметь своего корабля и гребцов невозможно”.
Так он сказал и свою из руки Антиноевой руку
Вырвал. Меж тем женихи, изобильный обед учреждая,
Многими колкими сердце его оскорбляли речами.
Так говорили одни из ругателей дерзко-надменных:

325

“Нас Телемах погубить не на шутку замыслил; быть может,
Многих он в помощь себе приведет из песчаного Пилоса, многих
Также из Спарты; о том он, мы видим, заботится сильно.
Может случиться и то, что богатую землю Эфиру
Он посетит, чтоб, добывши там яду, смертельного людям,

330

Здесь отравить им кратеры и разом нас всех уничтожить”.
“Но, – отвечали другие насмешливо первым, – кто знает!
Может случиться легко, что и сам, как отец, он погибнет,
Долго бродив по морям далеко от друзей и домашних.
Тем он, конечно, и нас озаботит: тогда нам придется

335

Все разделить меж собой их имущество; дом же уступим
Мы Пенелопе и мужу, избранному ею меж нами”.
Так женихи. Телемах же пошел в кладовую отцову,
Зданье просторное; злата и меди там кучи лежали;
Много там платья в ларях и душистого масла хранилось;

340

Куфы из глины с вином многолетним и сладким стояли
Рядом у стен, заключая божественно-чистый напиток
В недре глубоком, на случай, когда Одиссей возвратится
В дом, претерпевши тяжелых скорбей и превратностей много.
Двери двустворные, дважды замкнутые, в ту кладовую

345

Входом служили; почтенная ключница денно и ночью
Там с многоопытным, зорким усердьем в порядке держала
Все Евриклея, разумная дочь Певсенорида Опса.
В ту кладовую позвав Евриклею, сказал Телемах ей:
“Няня, амфоры наполни вином благовонным, вкуснейшим

350

После того дорогого, которое здесь бережешь ты,
Помня о нем, о несчастном, и все уповая, что в дом свой
Царь Одиссей возвратится, и смерти и Парк избежавши.
Им ты двенадцать наполни амфор и амфоры закупорь;
Так же и кожаных, плотных мехов приготовь, оржаною

355

Полных мукой; и чтоб в каждом из них заключалось двадцать
Мер; но об этом ты ведай одна; собери все припасы
В кучу; за ними приду ввечеру я, в то время, когда уж
В верхний покой свой уйдет Пенелопа, о сне помышляя.
Спарту и Пилос песчаный хочу посетить, чтоб проведать,

360

Нет ли там слухов о милом отце и его возвращенье”.
Кончил. Ему Еврикля, усердная няня, заплакав,
С громким рыданьем крылатое бросила слово: “Зачем ты,
Милое наше дитя, отворяешь таким помышленьям
Сердце? Зачем в отдаленную, чуждую землю стремишься

365

Ты, утешение наше единое? Твой уж родитель
Встретил конец меж народов враждебных от дома далеко;
Здесь же, покуда ты странствовать будешь, коварно устроят
Ков, чтоб известь и тебя, и твое все богатство разделят.
Лучше останься у нас при своем; ни малейшей нет нужды

370

В страшное море тебе на беды и на бури пускаться”.
Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
“Няня, мой друг, не тревожься; не мимо богов я решился
В путь, но клянись мне, что мать от тебя ни о чем не узнает
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двенадцать,

375

Или покуда не спросит сама обо мне, иль другой кто
Тайны не скажет, – боюсь, чтоб от плача у ней не поблекла
Свежесть лица”. Еврикля богами великими стала
Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила,

Тотчас она, благовонным вином все амфоры наливши,

380

Кожаных плотных мехов приготовила, полных мукою.
Он же, домой возвратившись, там с женихами остался.
Умная мысль родилась тут в сердце Паллады Афины:
Вид Телемаха принявши, она обежала весь город;
К каждому встречному ласково речь обращая, собраться

385

Всех пригласила она ввечеру на корабль быстроходный.
После, пришед к Ноемону, разумного Фрония сыну,
Дать ей просила корабль – Ноемон согласился охотно.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Легкий корабль на соленую влагу спустив и запасы,

390

Нужные каждому прочному судну, собравши, на самом
Выходе в море из бухты его поместила богиня.
Люди сошлись, и в каждом она возбудила отважность.
Новая мысль родилась тут в сердце Паллады Афины:
В дом Одиссея, царя благородного, вшедши, богиня

395

Сладкий сон на пирующих там женихов навела, помутила
Мысли у пьющих и вырвала кубки из рук их; влеченью
Сна уступивши, они по домам разошлись и недолго
Ждали его, не замедлил он пасть на усталые вежды.
Тут светлоокая Зевсова дочь Телемаху сказала,

400

Вызвав его из устроенной пышно палаты столовой,
Сходная с Ментором видом и речью: “Пора, Телемах, нам;

Все собралися уж светлообутые спутники наши;
Сидя у весел, они ожидают тебя с нетерпением;
Время идти; не годится нам доле откладывать путь свой”.

405

Кончив, Паллада Афина пошла впереди Телемаха
Быстрым шагом; поспешно пошел Телемах за богиней.
К морю и к ждавшему их кораблю подошедши, они там
Спутников густокудрявых нашли у песчаного берега.
К ним обратилась тогда Телемахова сила святая:

410

“Братья, принесть поспешим путевые запасы; они уж
Все приготовлены в доме, и мать ни о чем не слыхала;
Также ничто и рабыням не сказано; тайну одна лишь
Знает”. И быстро пошел впереди он; за ним все другие.
Взявши запасы, они их на прочно устроенном судне

415

Склали, как то повелел им возлюбленный сын Одиссеев.
Скоро и сам он вступил на корабль за богиней Афиной;
Подле кормы корабельной она поместилась; с ней рядом
Сел Телемах, и гребцы, отвязавши поспешно канаты,
Также взошли на корабль и сели на лавках у весел.

420

Тут светлоокая Зевсова дочь даровала им ветер попутный,
Свежий повеял Зефир, ошумляющий темное море.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемах им скорее
Снасти устроить; ему повинуюсь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,

425

В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Ветром наполнившись, он поднялся, и пурпурные волны
Звучно под килем потекшего в них корабля зашумели;
Он же бежал по волнам, разгребая себе в них дорогу.

430

Тут корабельщики, черное быстрое судно устроив,
Чаши наполнили сладким вином и, молясь, сотворили
Должное вечнорожденным, бессмертным богам возлиянье,
Паче ж других светлоокой богине, великой Палладе.
Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совершало.

Песнь третья

Гелиос с моря прекрасного встал и явился на медном
Своде небес, чтоб сиять для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.
Тою порою достигнул корабль до Нелеева града

5

Пышного, Пилоса. В жертву народ приносил там на берегу
Черных быков Посейдону, лазурнокудрявому богу;
Было там девять скамей; на скамьях, по пяти сот на каждой,
Люди сидели, и девять быков перед каждою было.
Сладкой отведав утробы, уже сожигали пред богом

10

Бедра в то время, как в пристань вошли мореходцы. Убравши
Снасти и якорем шаткий корабль утвердивши, на землю
Вышли они; Телемах, за Афиною следуя, также
Вышел. К нему обратясь, богиня Афина сказала:
“Сын Одиссеев, теперь уж застенчивым быть ты не должен;

15

Ибо затем мы и в море пустились, чтоб сведать, в какую
Землю отец твой судьбиною брошен и что претерпел он.
Смело приблизься к коней обуздателю Нестору; знать нам
Должно, какие в душе у него заключаются мысли.
Смело его попроси, чтоб тебе объявил он всю правду;

20

Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим”.
“Но, – отвечал рассудительный сын Одиссеев богине, –
Как подойти мне? Какое скажу я приветствие, Ментор?
Мало еще в разговорах разумных с людьми я искусен;
Также не знаю, прилично ли младшим расспрашивать старших?”

25

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
“Многое сам, Телемах, ты своим угадаешь рассудком;
Многое демон откроет тебе благосклонный; не против
Воли ж бессмертных, я думаю, был ты рожден и воспитан”.
Кончив, богиня Афина пошла впереди Телемаха

30

Быстрым шагом; за нею пошел Телемах; и поспешно
К месту подходят они, где пилийцы, собравшись, сидели;
Там с сыновьями и Нестор сидел; их друзья, учреждая
Пир, суетились, вздевали на вертелы, жарили мясо.
Все, иноземцев увидя, пошли к ним навстречу и, руки

35

Им подавая, просили их сесть дружелюбно с народом.
Первый, их встретивший, Несторов сын, Писистрат
благородный,
Ласково за руки взявши обоих, на бреге песчаном
Место на мягких разостланных кожах занять пригласил их
Между отцом престарелым и братом младым Фрасимедом.

40

Сладкой утробы отведать им дав, он вином благовонным
Кубок наполнил, вина отхлебнул и сказал светлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Палладе Афине:
“Странник, ты должен призвать Посейдона владыку: вы ныне
Прибыли к нам на великий праздник его; совершивши

45

Здесь, как обычай велит, перед ним возлиянье с молитвой,
Ты и товарищу кубок с напитком божественно-чистым

Дай, он, я думаю, молится также богам, поелику
Все мы, люди, имеем в богах благодетельных нужду.
Он же моложе тебя и, конечно, ровесник со мною;

50

Вот почему я и кубок тебе наперед предлагаю”.
Кончив, он передал кубок с вином благовонным Афине.
Был ей приятен поступок разумного юноши, первой
Ей предложившего кубок с вином благовонным; и стала
Голосом громким она призывать Посейдона владыку:

55

“Царь Посейдон земледержец, молюся тебе, не отвергни
Нас, уповающих здесь, что желания наши исполнишь.
Нестору славу с его сыновьями, во-первых, даруй ты;
После богатую милость яви и другим, благосклонно
Здесь от пилийцев великую ныне приняв гекатомбу;

60

Дай нам потом, Телемаху и мне, возвратиться, окончив
Все, для чего мы приплыли сюда в корабле крутобоком”.
Так помолясь, совершила сама возлиянье богиня;
После двурусный кубок она подала Телемаху;
В свой помолился черед и возлюбленный сын Одиссеев.

65

Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Раздали части и начали пир многославный; когда же
Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
Речь обратил к посетителям Нестор, герой геренейский:
“Странники, мне уж теперь неприлично не будет спросить вас,

70

Кто вы, понеже уж пищею вы насладились довольно.
Кто ж вы, скажите? Откуда к нам прибыли влажной дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчась,
Жизнью играя своей и беды приключая народам?”

75

С духом собравшись, на то рассудительный сын Одиссеев
Так, отвечая, сказал (и Афина ему ободрила
Сердце, чтоб Нестора мог он спросить об отце отдаленном,
Также чтоб в людях о нем утвердилась добрая слава):
“Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахейн,

80

Знать ты желаешь, откуда и кто мы; всю правду скажу я:
Мы из Итаки, под склоном лесистым Нейона лежащей;
Прибыли ж к вам не за общим народным, за собственным делом;
Странствую я, чтоб, молву об отце вопрошая, проведать,
Где Одиссей благородный, в бедах постоянный, с которым

85

Ратуя вместе, вы град Илион, говорят, сокрушили.
Прочие ж, сколько их ни было, против троян воевавших,
Бедственно, слышали мы, в стороне отдаленной погибли
Все; а его и погибель от нас неприступно Кронион
Скрыл; где нашел он конец свой, не знает никто: на земле ли

90

Твердой он пал, пересиленный злыми врагами, в зыбях ли
Моря погиб, поглощенный холодной волной Амфитриты.
Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими
Видел глазами иль что от какого услышал случайно

95

Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе.
Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
Все расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
Если же чем для тебя мой отец, Одиссей благородный,
Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою

100

В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы,
Вспомни об этом теперь и поистине все расскажи мне”.
Так Телемаху отвечивал Нестор, герой геренейский:
“Сын мой, как сильно напомнил ты мне о напастях, в земле той
Встреченных нами, ахейцами, твердыми в опыте строгом,

105

Частью, когда в кораблях, предводимые бодрым Пелидом,
Мы за добычей по темно-туманному морю гонялись,
Частью, когда перед крепким Приамовым градом с врагами
Яростно бились. Из наших в то время все лучшие пали:
Лег там Аякс бедоносный, там лег Ахиллес и советов

110

Мудростью равный бессмертным Патрокл, и лежит там
мой милый
Сын Антилох, беспорочный, отважный и столько же дивный
Легкостью бега, сколь был он бесстрашный боец. И немало
Разных других испытали мы бедствий великих, о них же
Может ли все рассказать хоть один из людей земнородных?

115

Если б и целые пять лет и шесть лет ты мог беспрестанно
Вести собирать о бедах, приключившихся бодрым ахейцам
Ты бы, всего не узнав, недоволен домой возвратился.

Девять трудились лет мы, чтоб их погубить, вымышляя
Многие хитрости, – кончить насилу решился Кронион.

120

В умных советах никто там не мог на ряду быть поставлен
С ним: далеко опереживал всех изобретеньем многих
Хитростей царь Одиссей, благородный родитель твой, если
Подлинно сын ты его. С изумленьем смотрю на тебя я;
С ним и речами ты сходен; но кто бы подумал, чтоб было

125

Юноше можно так много с ним сходствовать умною речью?
Я ж постоянно, покуда войну мы вели, на совете ль,
В сонме ль народном, всегда заодно говорил с Одиссеем;
В мненьях согласные, вместе всегда мы, обдумавши строго,
То лишь одно избирали, что было ахейцам полезней.

130

Но когда, ниспровергнувши город Приама великий,
Мы к кораблям возвратились, бог разлучил нас: Кронион
Бедственный путь по морям приготовить замыслил ахейцам.
Был не у каждого светел рассудок, не все справедливы
Были они – потому и постигнула злая судьбина

135

Многих, разгневавших дочь светлоокую страшного бога.
Сильную распрю богиня Афина зажгла меж Атридов:
Оба, созвать вознамерясь людей на совет, безрассудно
Собрали их не в обычное время, когда уж садилось
Солнце; ахейцы сошлись, вином охмеленные; те же

140

Стали один за другим объяснять им причину собрания:

Требовал царь Менелай, чтоб аргивские мужи в обратный
Путь по широкому моря хребту устремились немедля;
То Агамемнон отвергнул: ахейцев еще удержать он
Мыслил затем, чтоб они, совершив гекатомбу святую,

145

Гнев примирили ужасной богини... младенец! Еще он,
Видно, не знал, что уж быть не могло примирения с нею:
Вечные боги не скоро в своих изменяются мыслях.
Так, обращая друг к другу обидные речи, там оба
Брата стояли; собрание светлообутых ахейян

150

Воплем наполнилось яростным, на два разрознившись мненья.
Всю ту мы ночь провели в неприязненных друг против друга
Мыслях: уж нам, незаконным, готовил Зевес наказание.
Утром одни на прекрасное море опять кораблями
(Взяв и добычу и дев, глубоко опоясанных) вышли.

155

Но половина другая ахейян осталась на бреге
Вместе с царем Агамемноном, пастырем многих народов.
Дали мы ход кораблям, и они по волнам побежали
Быстро: под ними углаживал бог многоводное море.
Скоро пришед в Тенедос, принесли мы там жертву бессмертным,

160

Дать нам отчизну моля их, но Дий непреклонный еще нам
Медлил дозволить возврат: он вторичной враждой возмутил нас.
Часть за царем Одиссеем, подателем мудрых советов,
В многовесельных пустясь кораблях, устремилась в обратный
Путь, чтоб Атриду царю Агамемнону вновь покориться.

165

Я же поспешно со всеми подвластными мне кораблями
Поплыл вперед, угадав, что готовил нам бедствие демон;
Поплыл со всеми своими и сын бедоносный Тидея;
Позже отправился в путь Менелай златовласый: в Лесбосе
Нас он нагнал, нерешимых, какую избрать нам дорогу:

170

Выше ль скалами обильного Хиоса путь свой на Псиру
Править, ее оставляя по левую руку, иль ниже
Хиоса мимо открытого воющим ветрам Миманта?
Дия молили мы знаменье дать нам; и, знаменье давши,
Он повелел, чтоб, разрезавши море по самой середине,

175

Шли мы к Эвбее для скорого близкой беды избежанья;
Ветер попутный, свистя, зашумел, и, рыбообильный
Путь совершая легко, корабли до Гереста достигли
К ночи; от многих быков возложили мы тучные бедра
Там на алтарь Посейдонов, измерив великое море.

180

День совершился четвертый, когда, добежав до Аргоса,
Все корабли Диомеда, коней обуздателя, стали
В пристани. Прямо тем временем в Пилос я плыл, и ни разу
Ветер попутный, вначале нам посланный Дием, не стихнул.
Так возвратился я, сын мой, без всяких вестей; и доньше

185

Сведать еще я не мог, кто погиб из ахейян, кто спасся.
Что ж от других мы узнали, живя под домашнею кровлей,
То вам, как следует, я расскажу, ничего не скрывая.
Слышали мы, что с младым Ахиллеса великого сыном

Все мирмидоны его, копьеносцы, домой возвратились;

190

Жив, говорят, Филоктет, сын Пеанов возлюбленный; здраво
Идоменей (никого из сопутников, с ним избежавших
Вместе войны, не утративши на море) Крита достигнул;
К вам же, конечно, и в дальнюю землю дошел об Атриде
Слух, как домой возвратился он, как умерщвлен был Эгистом,

195

Как и Эгист наконец по заслуге приял воздаянье.
Счастье, когда у погибшего мужа останется бодрый
Сын, чтоб отметить, как Орест, поразивший Эгиста, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель!
Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,

200

Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили”.
Выслушав Нестора, так отвечал Телемах благородный:
“Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахейян,
Правда, отметил он, и страшно отметил, и ему от народов
Чсть повсеместная будет и будет хвала от потомства.

205

О, когда б и меня одарили такою же силой
Боги, чтоб так же и я мог отмстить женихам, наносящим
Столько обид мне, коварно погибель мою замышляя!
Но благодати великой такой ниспослать не хотели
Боги ни мне, ни отцу – и удел мой отныне терпенье”.

210

Так Телемаху отвечивал Нестор, герой геренейский:
“Сам ты, мой милый, о том мне своими словами напомнил;

Слышали мы, что, твою благородную мать притесняя,
В доме твоём женихи беззаконного делают много.
Знать бы желал я: ты сам ли то волею сносишь? Народ ли

215

Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?
Мы же не ведаем; может случиться легко, что и сам он
Их, возвратясь, погубит, один ли, созвав ли ахейн...
О, когда б возлюбить светлоокая дева Паллада
Так же могла и тебя, как она Одиссея любила

220

В крае троянском, где много мы бед претерпели, ахейцы!
Нет, никогда не бывали столь боги в любви откровенны,
Сколь откровенна была с Одиссеем Паллада Афина!
Если бы ею с такою ж любовью и ты был присвоен,
Самая память о браке во многих из них бы пропала”.

225

Нестору так отвечал рассудительный сын Одиссеев:
“Старец, несбыточно, думаю, слово твое; о великом
Ты говоришь, и ужасно мне слушать тебя; не случится
То никогда ни по просьбе моей, ни по воле бессмертных”.
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:

230

“Странное слово из уст у тебя, Телемах, излетело;
Богу легко защитить нас и издали, если захочет;
Я ж согласился б скорее и бедствия встретить, чтоб только
Сладостный день возвращенья увидеть, чем, бедствий избегнув
В дом возвратиться, чтоб пасть пред своим очагом, как великий

235

Пал Агамемнон предательством хитрой жены и Эгиста.
Но и богам невозможно от общего смертного часа
Милого им человека избавить, когда он уж предан
В руки навек усыпляющей смерти судьбиною будет”.
Так отвечал рассудительный сын Одиссеев богине:

240

“Ментор, не станем о том говорить мы, хотя и крушит нам
Сердце оно; уж его возвращения мы не увидим:
Черную участь и смерть для него приготовили боги.
Я же теперь, о ином вопрошая, хочу обратиться
К Нестору – правдой и мудростью всех он людей превосходит.

245

Был, говорят, он царем, повелителем трех поколений,
Образом светлым своим он бессмертному богу подобен –
Сын Нелеев, скажи, ничего от меня не скрывая,
Как умерщвлен был Атрид Агамемнон пространнодержавный?
Где Менелай находился? Какое губящее средство

250

Хитрый Эгист изобрел, чтоб удобнее сладить с сильнейшим?
Иль, не достигнув Аргоса, еще меж чужими людьми он
Был и врага своего тем отважил на злое убийство?”
“Друг, – Телемаху отвечивал Нестор, герой геренейский –
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;

255

Подлинно так все случилось, как думаешь сам ты; но если б
В братнем жилище Эгиста живого застал, возвращаясь
В дом свой из брани троянской, Атрид Менелай златовласый
Трупа его бы тогда не покрыла земля гробовая,
Хищные птицы и псы бы его растерзали, без чести

260

В поле далеко за градом Аргосом лежащего, жены
Наши его б не оплакали – страшное дело свершил он.
Тою порою, как билися мы на полях илионских,
Он в безопасном углу многоконного града Аргоса
Сердце жены Агамемнона лестью опутывал хитрой.

265

Прежде самой Клитемнестре божественной было противно
Дело постыдное – мыслей порочных она не имела;
Был же при ней песнопевец, которому царь Агамемнон,
В Трою готовясь плыть, наблюдать повелел за супругой;
Но, как скоро судьбина ее предала преступленью,

270

Тот песнопевец был сослан Эгистом на остров бесплодный,
Где и оставлен; и хищные птицы его растерзали.
Он же ее, одного с ним желавшую, в дом пригласил свой;
Множество бедр на святых алтарях он сожег пред богами,
Множеством вкладов, и золотом и тканями, храмы украсил,

275

Дерзкое дело такое с неожиданным окончив успехом.
Мы же, покинувши землю троянскую, поплыли вместе,
Я и Атрид Менелай, сопряженные дружбою тесной.
Были уж мы пред священным Сунионом, мысом Аттийским;
Вдруг Менелаева кормщика Феб Аполлон невидимо

280

Тихой своею стрелой умертвил: управляя бегущим
Судном, кормило держал многоопытной твердой рукою
Фронтис, Онеторов сын, наиболее из всех земнородных
Тайну проникший владеть кораблем в наступившую бурю.

Путь свой замедлил, хотя и спешил, Менелай, чтоб на бреге

285

Честь погребения другу воздать с торжеством надлежащим;
Но когда на своих кораблях крутобоких опять он
В темное море пошел и высокого мыса Малей
Быстро достиг – повсеместно гремящий Кронион, замыслив
Гибель, нагнал на него многошумное ветра дыханье,

290

Поднял могучие, тяжкие, гороогромные волны.
Вдруг корабли разлучив, половину их бросил он к Криту,
Где обитают кидоны у светлых потоков Ярдана.
Виден там гладкий утес, восходящий над влагой соленой,
В темное море вдвигаясь на крайних пределах Гортины;

295

Там, где великие волны на западный берег у Феста
Нот нагоняет и малый утес их дробит, отшибая,
Те корабли очутились; проворством спаслися от смерти
Люди; суда ж их погибли, разбившись об острые камни.
Пять остальных кораблей темноносых, похищенных бурей,

300

Ветер могучий и волны ко берегу Египта примчали.
Там Менелай, собирая сокровищ и золота много,
Странствовал между народов иного языка, и в то же
Время Эгист совершил незаконное дело в Аргосе,
Смерти предавши Атрида, – народ покорился безмолвно.

305

Целые семь лет он властвовал в златообильной Микене;
Но на осьмой из Афин возвратился ему на погибель

Богopodobный Орест; и убийцу сразил он, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель.
Пир учредив для аргивян великий, свершил погребенье

310

Он и преступнице матери вместе с Эгистом презренным.
В самый тот день и Атрид Менелай, вызыватель в сраженье,
Прибыл, богатства собрав, сколь могло в кораблях уместиться.
Ты же недолго, мой сын, в отдаленье от родины странствуй,
Дом и наследье отца благородного бросив на жертву

315

Дерзких грабителей, жрущих твое беспощадно; расхитят
Все, и без пользы останется путь, совершенный тобою.
Но Менелая Атрида (советую, требую) должен
Ты посетить; он недавно в отечество прибыл из чуждых
Стран, от людей, от которых никто, занесенный однажды

320

К ним по широкому морю стремительным ветром, не мог бы
Жив возвратиться, откуда и в год долететь к нам не может
Быстрая птица, – столь страшно великой пучины пространство.
Ты же поедешь отсюда иль морем со всеми своими,
Или, когда пожелаешь, землю: коней с колесницей

325

Дам я, и сына с тобою пошлю, чтоб тебе указал он
Путь в Лакедемон божественный, где Менелай златовласый
Царствует; можешь ты сам обо всем расспросить Менелая;
Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим”.
Кончил. Тем временем солнце померкло и тьма наступила.

330

К Нестору слово свое обративши, сказала Афина:
“Старец, твои рассудительны речи, но медлить не станем;
Должно отрезать теперь языки, и царю Посейдону
Купно с другими богами вином сотворить возлиянье;
Время подумать о ложе покойном и сне миротворном;

335

День на закате угас, и уж боле не будет прилично
Здесь нам сидеть за трапезой богов; удалиться пора нам”.
Так говорила богиня; почтительно все ей внимали.
Тут для умывтия рук им служители подали воду;
Отроки светлым кратеры до края наполнив напитком,

340

В чашах его разнесли, по обычаю справа начавши;
Бросив в огонь языки, сотворили они возлиянье,
Стоя; когда ж сотворили его и вином насладились,
Сколько желала душа, Телемах благородный с Афиной
Стали к ночлегу на свой быстроходный корабль собираться.

345

Нестор, гостей удержавши, сказал: “Да отнюдь не позволят
Вечный Зевес и другие бессмертные боги, чтоб ныне
Вы для ночлега отсюда ушли на корабль быстроходный!
Разве одежд не найдется у нас? Неужели я нищий?
Будто уж в доме моем ни покровов, ни мягких постелей

350

Нет, чтоб и сам я, и гости мои насладились покойным
Сном? Но покровов и мягких постелей найдется довольно.
Можно ль, чтоб сын столь великого мужа, чтоб сын Одиссеев
Выбрал себе корабельную палубу спальней, пока я
Жив и мои сыновья обитают со мной под одною

355

Кровлей, чтоб всех, кто пожалует к нам, угощать дружелюбно?”
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
“Умное слово сказал ты, возлюбленный старец, и должен
Волю исполнить твою Телемах: то, конечно, приличней.
Здесь я оставляю его, чтоб покойно под кровлей твоею

360

Ночь он провел. Самому ж мне на черный корабль возвратиться
Должно, чтоб наших людей ободрить и о многом сказать им:
Я из спутников наших старейший годами; они же
(Все молодые, ровесники все Телемаху) по доброй
Воле, из дружбы его в корабле проводить согласились;

365

Вот для чего и хочу я на черный корабль возвратиться.
Завтра ж с зарею пойти мне к народу отважных кавконов
Нужно, чтоб там заплатили мне люди старинный, немалый
Долг. Телемаха же, после того как у вас погостит он,
С сыном своим в колеснице отправь ты, коней повелевши

370

Дать им проворнейших в беге и силою самых отличных”.
Так им сказав, светлоокая Зевсова дочь удалилась,
Быстрым орлом улетев; изумился народ; изумился,
Чудо такое своими глазами увидевши, Нестор.
За руку взяв Телемаха, ему дружелюбно сказал он:

375

“Друг, ты, конечно, и сердцем не робок, и силою крепок,
Если тебе, молодому, так явно сопутствуют боги.
Здесь из бессмертных, живущих в обителях светлых Олимпа,
Был не иной кто, как Диева славная дочь Тритогена,

Столь и отца твоего отличавшая в сонме аргивян.

380

Будь благосклонна, богиня, и к нам и великую славу
Дай мне, и детям моим, и супруге моей благонравной;
Я же телицу тебе однолетнюю, лбистую, в поле
Вольно бродящую, с игом еще незнакомую, в жертву
Здесь принесу, ей рога изукрасивши золотом чистым”.

385

Так говорил он, молясь; и Палладю был он услышан.
Кончив, пошел впереди сыновей и зятьев благородных
В дом свой богато украшенный Нестор, герой геренейский;
С Нестором в царский богато украшенный дом и другие
Также вступили и сели порядком на креслах и стульях.

390

Старец тогда для собравшихся кубок наполнил до края
Светлым вином, чрез одиннадцать лет из амфоры налитым
Ключницей, снявшей впервые с заветной амфоры той кровлю.
Им он из кубка свое сотворил возлиянье великой
Дочери Зевса эгидодержавца; когда ж и другие

395

Все, сотворив возлиянье, вином насладились довольно,
Каждый к себе возвратился, о ложе и сне помышляя.
Гостю желая спокойствия, Нестор, герой геренейский,
Сам Телемаху, разумному сыну царя Одиссея,
В звонко-пространном покое кровать указал прорезную;

400

Лег близ него Писистрат, копьевержец, мужей предводитель,
Бывший из братьев один неженатый в жилище отцовом.

Сам же, во внутренний царского дома покой удаляся,
Лег на постели, перестланной мягко царицею, Нестор.
Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос;

405

С мягкой поднялся постели и Нестор, герой геренейский,
Вышед из спальни, он сел на обтесанных, гладких, широких
Камнях, у двери высокой служивших седалищем, белых,
Ярко сиявших, как будто помазанных маслом, на них же
Прежде Нелей восседал, многоумием богу подобный;

410

Но уж давно уведен был судьбой в обитель Аида.
Ныне ж на камнях Нелеевых Нестор воссел, скиптроносный
Пестун ахеян. К нему сыновья собралися, из спален
Вышед: Ехефрон, Персей, Стратион, и Аретос, и юный
Богу подобный красой Фрасимед; наконец и шестой к ним,

415

Младший из братьев пришел, Писистрат благородный. И рядом
С Нестором сесть приглашен был возлюбленный сын Одиссеев.
Речь обратил тут к собравшимся Нестор, герой герененский:
“Милые дети, мое повеленье исполнить спешите:
Паче других преклонить я желаю на милость Афину,

420

Видимо, бывшую с нами на празднике бога великом.
В поле один за телицей беги, чтоб немедленно с поля
Выгнал ее к нам пастух, за стадами смотрящий; другой же
Должен на черный корабль Телемахов пойти и позвать к нам
Всех мореходных людей, там оставя лишь двух; напоследок

425

Третьим пусть будет немедленно златоискусник Лаэрко
Призван, чтоб золотом чистым рога изукрасить телице.
Прочие ж все оставайтесь при мне, повелевши рабыням
В доме устроить обед изобильный, расставить порядком
Стулья, дрова приготовить и светлой воды принести нам”.

430

Так он сказал; все заботиться начали: с поля телицу
Скоро пригнали; пришли с корабля Телемаховы люди,
С ним переплывшие море; явился и златоискусник,
Нужный дляковки металлов принеся снаряд: наковальню,
Молот, клещи драгоценной отделки и все, чем обычно

435

Дело свое совершал он; пришла и богиня Афина
Жертву принять. Тут художнику Нестор, коней обуздатель,
Золота чистого дал; оковал им рога он телицы,
Тщася усердно, чтоб жертвенный дар был угоден богине.
Взяли телицу тогда за рога Стратион и Ехефрон;

440

Воду им руки умыть в обложенной цветами лохани
Вынес из дома Аретос, в другой же руке он с ячменем
Короб держал; подошел Фрасимед, ратоборец могучий,
С острым в руке топором, поразить изготовяся жертву;
Чашу подставил Персей. Тут Нестор, коней обуздатель,

445

Руки умывши, ячменем телицу осыпал и, бросив
Шерсти с ее головы на огонь, помолился Афине;
Следом за ним и другие с молитвой телицу ячменем
Так же осыпали. Несторов сын, Фрасимед многосильный,
Мышцы напрягши, ударил и, в шею глубоко вонзенный,

450

Жилы топор пересек; повалилась телица; вскричали
Дочери все, и невестки царицы, и с ними царица,
Кроткая сердцем, Клименова старшая дочь Евридика.
Те же телицу, приникшую к лону земли путеносной,
Подняли – разом зарезал ее Писистрат благородный.

455

После, когда истощилась черная кровь и не стало
Жизни в костях, разложивши на части ее, отделили
Бедрa и сверху их (дважды обвивши, как следует, кости
Жиром) кровавого мяса кусками покрыли; все вместе
Нестор зажег на костре и вином оросил искрометным;

460

Те ж приступили, подставив ухваты с пятью остриями.
Бедрa сожегши и сладкой утробы вкусив, остальное
Всё разрубили на части и стали на вертелах жарить,
Острые вертелы тихо в руках над огнем обращая.
Тою порой Телемах Поликастою, дочерью младшей

465

Нестора, был отведен для омытия в баню; когда же
Дева его и омыла, и чистым натерла елеем,
Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел из бани он, богу лицом лучезарным подобный;
Место он занял близ Нестора, пастыря многих народов.

470

Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Сели за вкусный обед, и заботливо начали слуги
Бегать, вино наливая в сосуды златые; когда же
Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,

Нестор, герой геренейский, сказал сыновьям благородным:

475

“Дети, коней густогривых запрячь в колесницу немедленно
Должно, чтоб мог Телемах по желанию в путь устремиться”.
То повеление царское было исполнено скоро;
Двух густогривых коней запрягли в колесницу; в нее же
Ключница хлеб и вино на запас положила, с различной

480

Пищей, какая царям лишь, питомцам Зевеса, прилична.
Тут в колесницу блестящую стал Телемах благородный;
Рядом с ним Несторов сын Писистрат, предводитель народов,
Стал; натянувши могучей рукою бразды, он ударил
Сильным бичом по коням, и помчались быстрые кони

485

Полям, и Пилос блистательный скоро исчез позади их.
Целый день мчались кони, трясая колесничное дышло.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Путники прибыли в Феру, где сын Ортилоха, Алфеем
Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный;

490

Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.
Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.
Путники, снова в свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора через портик помчались звонкий,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.

495

Пышных равнин, изобильных пшеницей, достигнув, они там
Кончили путь, совершенный конями могучими быстро;

Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.

Песнь четвертая

В царственный град Лакедемон, холмами объятый, прибывши,
К дому царя Менелая Атрида они обратились.
Пир он богатый давал многочисленным сродникам, свадьбу
Сына и дочери милые празднуя в царском жилище.

5

К сыну губителя ратей Пелида свою посылал он
Дочь, уж давно с ним в троянской земле договор заключивши
Выдать ее за него, и теперь сочетали их боги;
Много ей дав колесниц и коней, молодую невесту
В град мирмидонский, где царствовал светлый жених,
снарядил он.

10

В Спарте же дочь он Алектора выбрал невестой для сына,
Крепкого силой, прижитого им с молодой рабыней
В поздних годах, Мегапента. Елене ж детей не хотели
Боги с тех пор даровать, как желанная ей родилась
Дочь Гермiona, подобная дивной красой Афродите.

15

Шумно пируя в богато украшенных царских палатах,
Сродники все и друзья Менелая, великого славой,
Полны веселия были; на лире певец вдохновенный
Громко звучал перед ними, и два прыгуна, соглашая
С звонкою лирой прыжки, посреди их проворно скакали.

20

Тою порой Телемах благородный с младым Писистратом,
К царскому дому прибыв, на дворе из своей колесницы
Вышли; им встретился прежде других Этеон многотимый,
Спальник проворный царя Менелая, великого славой.

С вестью о них по дворцу побежал он к владыке Атриду;

25

Близко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:
“Царь Менелай, благородный питомец Зевеса, два гостя
Прибыли, два иноземца, конечно, из племени Дия.
Что повелишь нам? Отпрячь ли их быстрых коней? Отказать ли
Им, чтоб они у других для себя угощенья искали?”

30

С гневом великим ему отвечал Менелай златовласый:
“Ты, Этеон, сын Воэфов, еще никогда малоумен
Не был, теперь же бессмысленно стал говорить, как младенец;
Сами не раз испытал гостелюбие в странствии нашем,
Мы напоследок покоимся дома, и Дий да положит

35

Бедствиям нашим конец. Отпрягите коней их; самих же
Странников к нам пригласить на семейственный пир наш обоих”.
Так говорил Менелай. Этеон побежал, за собою
Следовать многим из царских проворных рабов повелевши.
Иго с ретивых коней, опененное потом, сложили;

40

К яслям в царевой конюшне голодных коней привязали;
В ясли же полбы насыпали, смешанной с ярким ячменем;
К светлой наружной стене прислонили потом колесницу.
Странники были в высокий дворец введены; озираясь,
Дому любезного Зевсу царя удивлялися оба:

45

Все лучезарно, как на небе светлое солнце иль месяц,
Было в палатах царя Менелая, великого славой.

Очи свои наконец удовольствовав сладостным зреньем,
Начали в гладких купальнях они омываться; когда же
Их и омыла, и чистым елеем натерла рабыня,

50

В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии, оба
Рядом они с Менелаем властителем сели на стульях.
Тут поднесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила

55

Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,
Кубки златые на браном столе перед ними поставил.
Сделав рукою приветствие, светлый сказал им хозяин:

60

“Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; когда же
Свой утолите вы голод, спрошу я, какие вы люди?
В вас не увяла, я вижу, порода родителей ваших;
Оба, конечно, вы дети царей, порожденных Зевесом,
Скиптродержавных; подобные вам не от низких родятся”.

65

Тут он им подал бычатины жареной кус, из почетной
Собственной части его отделивши своею рукою.
Подняли руки они к предложенной им пище и голод
Свой утолили роскошной едой и питьем изобильным.
Голову к спутнику тут приклонив, чтоб подслушать другие

70

Речи его не могли, прошептал Телемах осторожно:
“Несторов сын, мой возлюбленный друг, Писистрат
благородный,
Видишь, как много здесь меди сияющей в звонких покаях;
Блещет все золотом, серебром, янтарями, слоновою костью;
Зевс лишь один на Олимпе имеет такую обитель;

75

Что за богатство! Как много всего! С изумленьем смотрю я”.
Вслушался в тихую речь Телемаха Атрид златовласый;
Голос возвысив, обоим он бросил крылатое слово:
“Дети, нам, смертным, не можно равняться с владыкою Зевсом,
Ибо и дом и сокровища Зевса, как сам он, нетленны;

80

Люди ж иные поспорят богатством со мной, а иные
Нет; претерпевши немало, немало скитавшись, добра я
Много привез в кораблях, возвратясь на осьмой год в отчизну.
Видел я Кипр, посетил финикиян, достигнув Египта,
К черным проник эфиопам, гостил у сидонян, эрембов;

85

В Ливии был, наконец, где рогатыми агнцы рождаются,
Где ежегодно три раза и козы и овцы кидают;
В той стороне и полей господин и пастух недостатка
В сыре и мясе и жирно-густом молоке не имеют;
Круглый там год изобильно бывают доимы коровы.

90

Той же порой, как в далеких землях я, собирая богатства,
Странствовал, милый в отечестве брат мой погиб от убийцы
Тайно, никем не предвидено, хитрым предательством женским.
С тех пор и все уж мои мне сокровища стали постылы.
Но об этом, кто б ни были вы, уж конечно, отцы вам

95

Все рассказали... О, горестно было мне зреть истребленье
Дома, столь светлого прежде, столь славного многим богатством!
Рад бы остаться я с третью того, чем владею, лишь только б
Были те мужи на свете, которые в Трое пространной
Кончили жизнь, далеко от Аргоса, питателя коней.

100

Часто, их всех поминая, об них сокрушаясь и плача,
Здесь я сажу одиноко под кровлей домашней; порою
Горем о них услаждаю я сердце, порой забываю
Горе, понеже нас скоро холодная скорбь утомляет.
Но сколь ни сетую в сердце своем я, их всех поминая,

105

Мысль об одном наиболее губит мой сон и лишает
Пищи меня, поелику никто из ахейн столь много
Бедствий не встретил, как царь Одиссей; на труды и печали
Был он рожден; на мою же досталось часть сокрушаться,
Видя, как долго отсутствие длится его; мы не знаем,

110

Жив ли он, умер ли; плачет о нем безутешный родитель
Старец Лаэрт, с Пенелопой разумной, с младым Телемахом,
Бывшим еще в пеленах при его удаленье из дома”.
Так он сказав, неумышленно скорбь пробудил в Телемахе.
Крупная пала с ресницы сыновней слеза при отцовом

115

Имени; в обе схвативши пурпурную мантию руки,
Ею глаза он закрыл; то увидя, Атрид догадался;
Долго, рассудком и сердцем колеблясь, не знал он, что делать:
Ждать ли, чтоб сам говорить о родителе юноша начал,

Или вопросами выведать все от него понемногу?

120

Тою порой, как рассудком и сердцем колеблясь, молчал он,
К ним из своих благовонных, высоких покоев Елена
Вышла, подобная светлой с копьем золотым Артемиде.
Кресла богатой работы подвинула сесть ей Адреста;
Мягкий ковер шерстяной положила ей в ноги Алкиппа;

125

Фило пришла с драгоценной корзиной серебряной, даром
Умной Алькандры, супруги Полиба, в египетских Фивах
Жившего, много сокровищ имея в обители пышной.
Две сребролитные дал он Атриду купальни и с ними
Два троеножных сосуда и золотом десять талантов;

130

Также царице Елене супруга его подарила
Прялку златую с корзиной овальной; была та корзина
Вся из серебра, но края золотые; и эту корзину
Фило, пришедши, поставила подле царицы Елены,
Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прялка

135

С шерстью волнистой пурпурного цвета. На креслах Елена
Села, прекрасные ноги свои на скамью протянувши.
Сев, с любопытством она у царя Менелая спросила:
“Мог ли узнать ты, Атрид благородный, питомец Зевеса,
Кто иноземные гости, наш дом посетившие ныне?

140

Я же скажу – справедливо ли, нет ли, не знаю, – но сердце
Нудит сказать, что еще никогда (с изумленьем смотрю я)

Мне ни в жене не случилось, ни в муже подобного встретить
Сходства, какое наш гость с Телемахом, царя Одиссея
Сыном, имеет; младенцем его Одиссей благородный

145

Дома оставил, когда за меня, недостойную, все вы,
Мужи ахейские, в Трою пошли истребительной ратью”.
Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
“Что ты, жена, говоришь, то и я нахожу справедливым.
Дивное сходство! Такие же ноги, такие же руки,

150

То же в глазах выражение, та ж голова и такие ж
Кудри густые на ней; а когда, помянув Одиссея,
Стал говорить я о бедствиях, им за меня претерпенных,
Пала с ресницы его, я заметил, слеза, и, схвативши
В обе пурпурную мантию руки, он ею закрылся”.

155

Тут Писистрат благородный сказал Менелаю Атриду:
“Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Спутник мой подлинно сын Одиссеев, как думаешь сам ты;
Но, осторожный и скромный, он мнит, что ему неприлично,
Вас посетивши впервые, себя выставять в разговоре

160

Смелом с тобою, пленяющим всех нас божественной речью.
Старец, родитель мой, Нестор его повелел в Лакедемон
Мне проводить; у тебя ж он затем, чтоб ему благосклонно
Дать наставление ты соизволил: что делать? Немало
Горя бывает в родительском доме для сына, когда он

165

Розно с отцом, не имея друзей, сиротствует, как ныне
Сын Одиссеев: отец благородный далеко; в народе ж
Нет никого, кто б ему от гонений помог защититься”.
Царь Менелай, отвечая, сказал Писистрату младому:
“Боги! Так подлинно сын несказанно мне милого друга,

170

Столько тревог за меня претерпевшего, дом посетил мой.
Я ж самого Одиссея отличное прочих ахейя
Встретить надеждой ласкался, когда б в кораблях быстроходных
Путь нам домой по волнам отворил громовержец Кронион;
Град бы в Аргосе ему я построил с дворцом для жилища;

175

Взял бы его самого из Итаки с богатствами, с сыном,
С целым народом; и область для них бы очистил, моими
Близко людьми населенную, мой признающую скипетр;
Часто видались тогда бы, соседствуя, мы, и ничто бы
Нас разлучить не могло, веселящихся, дружных, до злого

180

Часа, в который бы скрыло нас черное облако смерти.
Но столь великого блага нам дать не хотел непреклонный
Бог, запретивший ему, несчастливцу, возврат возжеланный”.
Так говоря, неумышленно всех Менелай опечалил;
Громко Елена Аргивская, Диева дочь, зарыдала;

185

Сын Одиссеев заплакал, и с ними Атрид прослезился;
Плача не мог удержать и молодой Писистрат: он о брате
Вспомнил, о брате своем Антилохе прекрасном, который
Был умерщвлен лучезарной Денницы возлюбленным сыном.
Вспомнив о брате, Атриду он бросил крылатое слово:

190

“Подлинно, царь Менелай, ты разумнее всех земнородных.
Так говорит и отец престарелый наш Нестор, когда мы
Дома в семейных беседах своих о тебе вспоминаем.
Ныне ж послушайся, царь многоумный, меня; не люблю я
Слез за вечерней трапезою – скоро подымется Эос,

195

В раннем тумане рожденная. Мне же отнюдь не противен
Плач о возлюбленных мертвых, постигнутых общей судьбиной;
Нам, земнородным страдальцам, одна здесь надежная почеть:
Слезы с ланит и отрезанный локон волос на могиле.
Брата утратил и я; не последний меж бранных аргивян

200

Был он; его ты, конечно, видал; а со мной никогда здесь
Он не встречался; его я не знал; но от всех был отличен,
Слышали мы, он и легкостью ног, и отважностью в битвах”.
Царь Менелай златовласый отвечивал так Писистрату:
“Друг, основательно то, что сказал ты; один лишь разумный

205

Муж и годами старейший тебя говорить так способен.
Вижу из слов я твоих, что отца своего ты достойный
Сын; без труда познается порода мужей, для которых
Счастье и в браке и в племени их уготовал Кронион;
Так постоянно и Нестору он золотые свивает

210

Годы, чтоб весело в доме своем он старел, окруженный
Бодрой семьей сыновей, и разумных, и с копьями первых.
Мы же, печаль отложив и отерши пролитые слезы,
Снова начнем пировать; для умыванья рук подадут нам

Светлой воды, а наутро опять разговор с Теламахом

215

Я заведу, и окончим мы завтра начатое ныне”.
Так он сказал, и умыться им подал воды Асфалион,
Спальник проворный царя Менелая, великого славой.
Подняли руки они к предложенной им лакомой пище.
Умная мысль пробудилась тогда в благородной Елене:

220

В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенью
Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
Если б и мать и отца неожиданной смертью утратил,

225

Если б нечаянно брата лишился иль милого сына,
Вдруг пред очами его пораженного бранною медью.
Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;
Щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона,
Им наделила; земля там богатообильная много

230

Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых;
Каждый в народе там врач, превышающий знаньем глубоким
Прочих людей, поелику там все из Пеанова рода.
Соку в вино подмешав и вино разнести повелевши,
Стала царица Елена беседовать снова с гостями:

235

“Царь Менелай благородный, питомец Зевеса, и все вы,
Дети отцов знаменитых, различное людям различным,

Злое и доброе, Дий посылает, все Дию возможно.
Радуйтесь ныне, сидя за трапезой вечерней и сладким
Сердце свое веселя разговором; а я о бывалом

240

Вам расскажу – хоть всего рассказать и припомнить нельзя
мне, –
Как Одиссей, непреклонный в бедах, подвизался, и что он,
Дерзко-решительный муж, наконец предпринял и исполнил
В крае троянском, где много вы бед претерпели, ахейцы.
Тело свое беспощадно иссекши бичом недостойным,

245

Рубищем бедным покрывши плеча, как невольник, вошел он
В полный сияющих улиц народа враждебного город;
Образ принявши чужой, он в разодранном платье казался
Нищим, каким никогда меж ахейян его не видали.
Так посреди он троян укрывался; без смысла, как дети,

250

Были они; я одна догадалась, кто он; вопросы
Стала ему предлагать я – он хитро от них уклонился;
Но когда, и омывши его, и натерши елеем,
Платье на плечи ему возложила я с клятвой великой:
Тайны его никому не открыть в Илионе враждебном

255

Прежде его возвращения в стан к кораблям крутобоким,
Все мне о замысле хитром ахейян тогда рассказал он.
Многих троян длинноострою медью меча умертвивши,
Выведал в городе все он и в стан невредем возвратился.
Многие вдовы троянские громко рыдали, в моем же

260

Сердце веселие было: давно уж стремилось в родную
Землю оно, и давно я скорбела, виной Афродиты
Вольно ушедшая в Трою из милого края отчизны,
Где я покинула брачное ложе, и дочь, и супруга,
Столь одаренного светлым умом и лица красотой”.

265

Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
“Истинно то, что, жена, рассказала ты нам о бывалом;
Случай имел я узнать помышленья, поступки и нравы
Многих людей благородных, и много земель посетил я,
Но никогда и нигде мне досель человек, Одиссею,

270

Твердому в бедствиях мужу, подобный, еще не встречался.
Вот что, могучий, он там наконец предпринял и исполнил.
В чреве глубоком коня (где ахейцы избранные были
Скрыты) погибельный ков и убийство врагам приготавив;
К нам ты тогда подошла – по внушению злomu, конечно,

275

Демона, дать замышлявшего славу враждебным троянам, –
Вслед за тобою туда же пришел Деифоб благородный;
Трижды громаду ты с ним обошла и, отвсюду ощупав
Ребра ее, начала вызывать поименно аргивян,
Голосу наших возлюбленных жен подражая искусно.

280

Мне ж с Диомедом и с бодрым царем Одиссеем, сокрытым
В темной утробе громады, знакомые слышались звуки.
Вдруг пробудилось желанье во мне и в Тидеевом сыне
Выйти наружу иль громко тебе изнутри отозваться;

Но Одиссей опрометчивых нас удержал; остальные ж,

285

В чреве коня притаяся, глубоко молчали ахейцы.
Только один Антиклес на призыв твой подать порывался
Голос; но царь Одиссей, многосильной рукою зажавши
Рот безрассудному, тем от гибели всех нас избавил;
С ним он боролся, пока не ушла ты по воле Афины”.

290

Тут Менелаю сказал рассудительный сын Одиссеев:
“Царь благородный Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Вдвое прискорбней, что он не избег от губящего рока;
Было ли в пользу ему, что имел он железное сердце?..
Время, однако, уж нам о постелях подумать, чтоб, сладко

295

В сон погрузившись, на них успокоить усталые члены”.
Так он сказал, и Елена велела немедля рабыням
В сенях кровати поставить, постлать тюфяки на кровати,
Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же
Мягким покровом для тела косматые мантии бросить.

300

Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же
Все приготовлено было гостям, проводил их глашатай;
В сенях легли на постелях и скоро покойно заснули
Сын Одиссеев и спутник его Писистрат благородный.
Скоро во внутренней спальне заснул и Атрид златовласый,

305

Подле царицы Елены, покрытой одеждою длинной.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;

Ложу покинул и царь Менелай, вызыватель в сраженье;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,

310

Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.
Сев к Телемаху, его он поздравствовал; после спросил он:
“Что побудило тебя по хребту беспредельного моря
В царственный град Лакедемон прибыть, Телемах благородный?
Нужда какая? Своя иль народная? Правду скажи мне”.

315

Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаю:
“Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Здесь я затем, чтоб узнать от тебя о судьбе Одиссея.
Гибнет мое достоянье, мои разоряются земли,
Дом мой во власти грабителей жадных, безжалостно бьющих

320

Мелкий наш скот и быков криворогих и медленноходных;
Мать Пенелопу они сватовством неотступным терзают.
Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими
Видел глазами иль что от какого случайно услышал

325

Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе.
Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
Все Расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
Если же чем для тебя мой отец Одиссей благородный,
Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою

330

В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы,
Вспомни об этом теперь и поистине все Расскажи мне”.
С гневом великим воскликнул Атрид Менелай златовласый:
“О, безрассудные! Мужа могучего брачное ложе,
Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!

335

Если бы в темном лесу у великого льва в логовище
Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же
Стала б по горным лесам, по глубоким, травой обильным
Долам бродить и обратно бы лев прибежал в логовище –
Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;

340

Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
Если б, – о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! –
В виде таком, как в Лесбосе, обильно людьми населенном,
Где, с силачом Филомиледом выступив в бой рукопашный,
Он опрокинул врага на великую радость ахейцам, –

345

Если бы в виде таком женихам Одиссей вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
Что самому возвестил мне морской проницательный старец,

350

То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.
Всё еще боги в отечество милое мне из Египта
Путь заграждали: обещанной я не свершил гекатомбы;
Боги же требуют строго, чтоб были мы верны обетам.
На море шумно-широком находится остров, лежащий

355

Против Египта; его именуют там жители Фарос;
Он от берегов на таком расстоянии, какое удобно
В день с благовеющим ветром попутным корабль пробегает.
Пристань находится верная там, из которой большие
В море выходят суда, запасенные темной водою.

360

Двадцать там дней я промедлил по воле богов, и ни разу
С берега мне не подул благосклонный отплытию ветер,
Спутник желанный пловцам по хребту многоводного моря.
Мы уж истратили все путевые запасы и люди
Бодрость теряли, как, сжалась над нами, спасла нас богиня,

365

Хитрого старца морского цветущая дочь Эйдофея.
Сердцем она преклонила ко мне, повстречавшись со мною,
Шедшим печально стезей одинокой, товарищей бросив:
Розно бродили они по зыбучему взморью и рыбу
Острогобенными крючьями удили – голод терзал их.

370

С ласковым видом ко мне подошедши, сказала богиня:
“Что же ты, странник? Дитя ль неразумное? Сердцем ли робок?
Лень ли тобой овладела? Иль сам ты своим веселишься
Горем, что долго так медлишь на острове нашем, не зная,
Что предпринять, и спутников всех повергая в унылость?”

375

Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
“Кто б ни была ты, богиня, всю правду тебе я открою:
Нехотя здесь я в бездействии медлю; быть может, нанес я
Чем оскорбление богам, беспредельного неба владыкам.

Ты же скажи мне (все ведать должны вы, могучие боги),

380

Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?”
Так спросил я, и так, отвечая, сказала богиня:
“Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Здесь пребывает издавна морской пронизательный старец,

385

Равный бессмертным Протей, египтянин, изведавший моря
Все глубины и царя Посейдона державе подвластный;
Он, говорят, мой отец, от которого я родилась.
Если б какое ты средство нашел овладеть им внезапно,
Все б он открыл: и дорогу, и долог ли путь, и успешно ль

390

Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?
Если ж захочешь, божественный, скажет тебе и о том он,
Что у тебя и худого и доброго дома случилось
С тех пор, как странствуешь ты по морям бесприютно –
пустынным”.
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:

395

“Нас ты сама научи овладеть хитромысленным старцем
Так, чтоб не мог наперед он намеренье наше проникнуть:
Трудно весьма одолеть человеку могучего бога”.
Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
“Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;

400

Здесь ежедневно, лишь Гелиос неба пройдет половину,

В веянье ветра, с великим волнением темная влага,
Вод глубину покидает морской пронизательный старец;
Вышед из волн, отдыхать он ложится в пещере глубокой;
Вкруг тюлени хвостонogie, дети молодой Алосинды,

405

Стаей ложатся, и спят, и, покрытые тиной соленой,
Смрад отвратительный моря на всю разливают окрестность.
Только что явится Эос, я место найду, где удобно
Спрячешься ты посреди тюленей; но товарищам сильным
Трем повели за собою прийти с кораблей крутобоких.

410

Я же тебе расскажу о волшебствах коварного старца:
Прежде всего тюленей он считать и осматривать станет;
Их осмотрев и сочтя по пяти, напоследок и сам он
Ляжет меж ними, как пастырь меж стада, и в сон погрузится.
Вы же, увидя, что лег и что в сон погрузился он, силы

415

Все соберите и им овладейте; жестоко начнет он
Биться и рваться – из рук вы его не пускайте; тогда он
Разные виды начнет принимать и являться вам станет
Всем, что ползет по земле, и водою и пламенем жгучим;
Вы ж, не робея, тем крепче его, тем сильнее держите.

420

Но, как скоро тебе человеческий голос подаст он,
Снова принявши тот образ, в каком он заснул, – вы немедленно
Бросьте его; и тогда, благородному старцу свободу
Давши, спроси ты, какой из богов раздражен и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?”

425

Кончив, она погрузилась в морское глубокое лоно.
Я же пошел к кораблям, на песке неподвижно стоявшим,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила;

430

Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Встала из мрака молодая с перстами багряными Эос;
Вдоль по отлогому влажно-песчаному берегу, с молитвой
Прежде колена склонив пред богами, пошел я; со мною
Были три спутника сильных, на всякое дело отважных.

435

Тою порой, погрузившись в глубокое море, четыре
Кожи тюленьи из вод принесла нам богиня; недавно
Содраны были они. Чтоб отца обмануть, на песчаном
Береге ямы она приготовила нам и сидела,
Нас ожидая. Немедля все четверо к ней подошли мы.

440

В ямы укладши и кожами сверху покрыв нас, богиня
Там повелела нам ждать, притаясь; нестерпимо нас мучил
Смрад тюленей, напивавшихся горечью влаги соленой, –
Сносно ль меж чудами моря живому лежать человеку?
Но Эйдофея беде помогла и страдание наше

445

Кончила, ноздри амброзией нам благовонной помазав:
Был во мгновение запах чудовищ морских уничтожен.
Целое утро с мучительной мы пролежали тоскою.
Стаею вышли из вод наконец тюлени и рядами

Друг подле друга вдоль шумного берега все улеглись.

450

В полдень же с моря поднялся и старец. Своих тюленей он
Жирных увидя, пошел к ним, и начал считать их, и первых
Счел меж своими подводными чудами нас, не проникнув
Тайного кова; и сам напоследок меж ними улегся.
Кинувшись с криком на сонного, сильной рукою все вместе

455

Мы обхватили его; но старик не забыл чародейства;
Вдруг он в свирепого с гривой огромною льва обратился;
После предстал нам драконом, пантерой, вепрем великим,
Быстротекучей водою и деревом густовершинным;
Мы, не робея, тем крепче его, тем упорней держали.

460

Он напоследок, увидя, что все чародейства напрасны,
Сделался тих и ко мне наконец обратился с вопросом:
“Кто из бессмертных тебе указал, Менелай благородный,
Средство обманом меня пересилить? Чего ты желаешь?”
Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:

465

“Старец, тебе уж известно (зачем притворяться?), что медлю
Здесь я давно поневоле, не зная, на что мне решиться,
Сердцем тревожась и спутников всех повергая в унылость.
Лучше скажи мне (все ведать должны вы, могучие боги),
Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный

470

Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?”
Так у него я спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:

“Должен бы Зевсу владыке и прочим богам гекатомбу
Ты, с кораблями пускался в путь, совершить, чтоб скорее,
Темное море измерив, в отчизну свою возвратиться.

475

Знай, что тебе суждено не видать ни возлюбленных близких
В светлом жилище своем, ни желанного края отчизны
Прежде, пока ты к бегущему с неба потоку Египту
Вновь не придешь и обещанной там не свершишь гекатомбы
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам.

480

Иначе боги увидеть отчизну тебе не дозволят”.
Так он сказал, и во мне растерзалось милое сердце:
Было мне страшно, предавшись тревогам туманного моря,
Вновь продолжительно-трудным путем возвращаться в Египет.
Так напоследок, ответствуя, хитрому старцу сказал я:

485

“Что повелел ты, божественный старец, то все я исполню;
Ты же теперь объяви, ничего от меня не скрывая:
Все ль в кораблях невредимы ахейцы, с которыми в Трое
Мы разлучились, Нестор и я, возвратились в отчизну?
Кто злополучный из них на дороге погиб с кораблями?

490

Кто на руках у друзей, перенесши тревоги, скончался?”
Так я спросил у него, и, ответствуя, так мне сказал он:
“Царь Менелай! Не к добру ты меня вопрошаешь, и лучше б
Было тебе и не знать и меня не расспрашивать: горько
Плакать ты будешь, когда обо всем расскажу я подробно.

495

Многих уж нет; но и живы остались многие; двум лишь
Только вождям меднолатных аргивян домой возвратиться
Смерть запретила (кто пал на сражение, то ведаешь сам ты);
Третий живой средь пустынного моря в неволе крушится.
С длинновесельными в бурю морскую погиб кораблями

500

Сын Оилеев Аякс; Посейдон их к великой Гирейской
Бросил скале; самого же Аякса из вод он исторгнул;
Спасся б от гибели он вопреки раздраженной Афине,
Если б в безумстве изречь не дерзнул святотатного слова:
Он похвалился, что против богов избежит потопленья.

505

Дерзкое слово царем Посейдоном услышано было;
Сильной рукой он во гневе схватил свой ужасный трезубец,
Им по Гирейской ударил скале, и скала раздвоилась;
Часть устояла; кусками рассыпавшись, в море другая
Рухнула вместе с висевшим на ней святотатным Аяксом;

510

С нею и он погрузился в широкошумящее море;
Так он погиб, злополучный, упившись соленою влагой.
Брат твой сначала судьбы избежал: невредимо ко берегу
Он с кораблями достиг, сохраненный владычицей Герой.
Но тогда, как в виду неприступных утесов Малеи

515

Был он, внезапно воздвигнулась буря, и рыбообильным
Морем его, вопиющего жалобно, к крайним пределам
Области бросило той, где Фиест обитал и где после
Царское было жилище Фиестова сына, Эгиста.
Скоро, однако, опять успокоилось море, и боги

520

Ветер попутный им дали: в отечество их проводил он.
Радостно вождь Агамемнон ступил на родительский берег.
Стал целовать он отечество милое; снова увидя
Землю желанную, пролил обильно он теплые слезы.
Но издалека с подзорной стоянки увидел Атрида

525

Сторож, Эгистом поставленный (злое замысля, ему он
Дать обещал два таланта); и там наблюдал он уж целый
Год, чтоб Атрид не застал их врасплох, возвратяся внезапно.
С вестью о нем роковой побежал он в жилище Эгиста.
Ков смертоносный тогда хитроумный Эгист приготовил:

530

Двадцать отважных мужей из народа немедля он выбрав,
Скрыл их близ дома, где был приготовлен обед изобильный;
Взяв колесницы с конями, к царю он Атриду навстречу
С ласковым зовом пошел, замышляя недоброе в сердце;
Введши его, подозрению чуждого, в дом, на веселом

535

Пире его он убил, как быка убивают при яслях;
Люди, с Атридом пришедшие, все до единого пали,
Но и Эгистовы с ними сообщники также погибли”.
Так он сказал, и во мне растерзалось милое сердце:
Горько заплакав, упал я на землю; мне стала противна

540

Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я, и долго
Плакал, и долго лежал на земле, безутешно рыдая.
Но напоследок сказал мне морской проникательный старец:
“Царь Менелай, сокрушать столь жестоко себя ты не должен;

Слезы твои ничему не помогут: а лучше подумай,

545

Как бы тебе самому возвратиться скорее в отчизну.
Или застанешь его ты живого, иль будет Орестом
Он уж убит; ты тогда подоспеешь к его погребенью”.
Так он сказал, ободрился мой дух, и могучее снова
Сердце мое, несмотря на великую скорбь, оживилось.

550

Голос возвысив, я бросил Протею крылатое слово:
“Знаю теперь о двоих; объяви же, кто третий, который,
Морем объятый, живой, говоришь ты, в неволе крушится?
Или уж нет и его? Сколь ни горько, но слушать готов я”.
Так я Протея спросил, и, отвечая, так мне сказал он:

555

“Это Лаэрттов божественный сын, обладатель Итаки.
Видел его я на острове, льющего слезы обильно
В светлом жилище Калипсо, богини богинь, произвольно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы

560

Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
Ты не умрешь и не встретишь судьбы в многоконном Аргосе;
Ты за пределы земли, на поля Елисейские будешь
Послан богами – туда, где живет Радамант златовласый

565

(Где пробегают светло беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает;

Где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным),
Ибо супруг ты Елены и зять громовержца Зевеса”.

570

Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно.
Я же с друзьями отважными вновь к кораблям возвратился,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила;

575

Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Сдвинули с берега мы корабли на священное море;
Мачты подняв и развев паруса, на судах собралися
Все мореходные люди и, севши у весел на лавках,

580

Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Снова направил к бегущему с неба потоку Египту
Я корабли и успешно на бреге его совершил гекатомбу;
После ж, когда примирил я богов, совершив гекатомбу,
Холм гробовой Агамемнону брату на вечную память

585

Там я насыпал; и поплыли мы, и послали попутный
Ветер нам боги; в отечество милое нас проводил он.
Ты ж, Телемах, у меня погостишь и отсель не поедешь
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двенадцать;
После тебя отпущу с дорогими подарками; дам я

590

Трех быстроногих коней с колесницей блестящей и с ними
Редкой работы кувшин, из которого будешь вседневно
Ты, поминая меня, пред богами творить возлиянье”.
“Царь Менелай, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Долго меня не держи, тороплюся домой я безмерно;

595

Здесь у тебя я с великою радостью мог бы и целый
Год провести, не подумав в отчизну к родным возвратиться,
Так несказанно твои разговоры и речи пленяют
Душу мою; но сопутники в Пиросе ждут с нетерпением
Ныне меня: ты ж, напротив, желаешь, чтоб здесь я промедлил.

600

Дай мне в подарок такое, что мог бы удобно хранить я
Дома; коней же в Итаку мне взять невозможно: оставь их
Здесь утешеньем себе самому; ты владеешь землею
Тучных равнин, где родится обильно и лотос и галгант
С яркой пшеницей, и полбой, и густо цветущим ячменем.

605

Мы ж ни широких полей, ни лугов не имеем в Итаке;
Горные пажити наши для коз, не для коней привольны;
Редко лугами богат и коням легконогим приютен
Остров, объятый волнами; Итака же менее прочих”.
Он замолчал. Улыбнулся Атрид, вызыватель в сраженье;

610

Ласково щеки ему потрепавши рукою, сказал он:
“Вижу из слов я твоих, что твоя благородна порода,
Сын мой; но вместо коней я могу подарить и другое,
Это легко мне; из многих сокровищ, которыми дом мой
Полон, я самое редкое, лучшее выберу ныне;

615

Дам пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся из серебра, но края золотые, искусной работы
Бога Гефеста; ее подарил мне Федим благородный,
Царь сидонян, в то время, когда, возвращаясь в отчизну,
В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь”.

620

Так говорили о многом они, беседуя сладко.
В доме царя собрались тем временем званные гости,
Коз и овец приведя и вина дорогого принеся
(Хлеб же прислали их жены, ходящие в светлых повязках).
Так все готовилось к пиру в высоких палатах Атрида.

625

Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем
Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись
Все на мощеном дворе, где бывали их буйные игры.
Но Антиной с Евримахом прекрасным сидели особо,
Прочих вожди, перед всеми отличные мужеской силой.

630

Фрониев сын Ноемон, подошед к ним, сидевшим особо,
Слово такое сказал, обратясь к Антиною с вопросом:
“Может ли кто мне из вас, Антиной, объявить, иль не может,
Скоро ль назад Телемах из песчаного Пилоса будет?
Взят у меня им корабль – самому мне он надобен ныне:

635

Плыть мне в Элиду широкополянную нужно; двенадцать
Там у меня кобылиц и табун лошаков работающих;
Дикие все; я хотел бы поймать одного, чтоб объездить”.
Так он сказал; женихи изумились; войти не могло им

В мысли, чтоб был он в Нелеевом Пилосе; мнили, напротив,

640

Все, что ушел он иль в поле к стадам, иль к своим свинопасам.
Строго тогда Антиной, сын Евпейтов, спросил Ноемона:
“Все объяви нам по правде: когда он уехал? Какие
Были с ним люди? Свободные ль, взятые им из народа?
Или наемники? Или рабы? Как успел он то сделать?”

645

Также скажи откровенно, чтоб истину ведать могли мы:
Силою ль взял у тебя он корабль быстроходный иль сам ты
Отдал его произвольно, как скоро о том попросил он?”
Фрониев сын Ноемон, отвечая, сказал Антиною:
“Отдал я сам произвольно, и всякий другой поступил бы

650

Так же, когда бы к нему обратился такой огорченный
С просьбою муж – ни один бы ему отказать не помыслил.
Люди ж, им взятые, все молодые, из самых отличных
Выбраны граждан; и их предводителем был, я заметил,
Ментор иль кто из бессмертных, облекшийся в Менторов образ:

655

Ибо я был изумлен несказанно – божественный Ментор
Встретился здесь мне вчера, хоть и сел на корабль он с другими”.
Так он сказавши, пошел, чтоб к родителю в дом возвратиться.
Но Антиной с Евримахом исполнены были тревоги;
Бросив игру, женихи собралися и сели кругом их.

660

К ним обратясь, сказал Антиной, сын Евпейтов, кипящий
Гневом, – и грудь у него подымалась, теснимая черной

Злобой, и очи его, как огонь пламенеющий, рдели:
“Горе нам! Дело великое сделал, так смело пустившись
В путь, Телемах; от него мы подобной отваги не ждали:

665

Нам вопреки, он, ребенок, отсюда ушел самовольно,
Прочный добывши корабль и отличнейших взяв из народа.
Будет вперед нам и зло и беда от него. Но погибни
Сам от Зевеса он прежде, чем бедствие наше созреет!
Вы ж мне корабль с двадцатью снарядите гребцами, чтоб мог я,

670

В море за ним устремившись, его на возвратной дороге
Между Итакой и Замом крутым подстеречь, чтоб в погибель
Плаванье вслед за отцом для него самого обратилось”.
Так он сказал, изъявили свое одобренье другие.
Вставши, все вместе они возвратились в дом Одиссеев.

675

Но Пенелопа недолго в незнание осталась о хитром
Буйных ее женихов заговоре на жизнь Телемаха;
Все ей Медонт, благородный глашатай, открыл: недалеко
Был он, когда совещались они, и подслушал их речи.
С вестью немедленно он по дворцу побежал к Пенелопе.

680

Встретив его на пороге своем, Пенелопа спросила:
“С чем ты, Медонт, женихами сюда благородными прислан?
С тем ли, чтоб мне объявить, что рабыням царя Одиссея
Должно, оставив работы, обед им скорей приготовить?
О, когда бы они от меня отступились! Когда бы

685

Это их пиршество было последним в обители нашей!
Вы, разорители нашего дома, губящие жадно
Все достояние в нем Телемахово, или ни разу
В детских вам летах от ваших разумных отцов не случилось
Слышать, каков Одиссей был в своем обхождении с ними,

690

Как никому не нанес он ни словом, ни делом обиды
В целом народе; хотя многосильным царям и обычно
Тех из людей земнородных любить, а других ненавидеть,
Но от него не видал оскорбления никто из живущих.
Здесь же лишь ваше бесстыдство, лишь буйные ваши поступки

695

Видны; а быть за добро благодарными вам неуместно”.
Умные мысли имея, Медонт отвечал Пенелопе:
“О царица, когда бы лишь в этом все зло заключалось!
Но женихи величайшей, ужаснейшей нам угрожают
Ныне бедой – да успеха не даст им Зевес громовержец!

700

Острым мечом замышляют они умертвить Телемаха,
Выждав его на возвратном пути: о родителе сведать
Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град
Лакедемон”.
Так он сказал: задрожали колена и сердце у бедной
Матери; долго была бессловесна она, и слезами

705

Очи ее затмевались, и ей не покорствовал голос.
С духом собравшись, она наконец, отвечая, сказала:
“Что удалиться, Медонт, побудило дитя мое? Нужно ль
Было вверяться ему кораблям, водяными конями
Быстро носящим людей мореходных по влаге пространной?

710

Иль захотел он, чтоб в людях и имя его истребилось?”
Выслушав слово ее, благородный Медонт отвечал ей:
“Мне неизвестно, внушенью ль он бога последовал, сам ли
В сердце отплытие в Пилос замыслил, чтоб сведать, в какую
Землю родитель судьбиною брошен и что претерпел он”.

715

Кончив, разумный Медонт удалился из царского дома.
Сердцегубящее горе объяло царицу; остаться
Доле на стуле она не могла; хоть и много их было
В светлых покоях ее, но она на пороге сидела,
Жалобно плача. С рыданьем к ней собрались рабыни,

720

Сколько их ни было в царском жилище и юных и старых.
Сильно скорбя посреди их, сказала им так Пенелопа:
“Слушайте, милые; дал мне печали Зевес Олимпиец
Более всех, на земле современно со мною рожденных;
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,

725

Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос.
Ныне ж и милый мой сын не со мною; бесславно умчали
Бури отсюда его, и о том я не сведала прежде;
О вы, безумные, как ни одной, ни одной не пришлось вам

730

Вовремя в мысли меня разбудить? А, конечно, уж знали
Все вы, что он собрался в корабле удалиться отсюда.
О, для чего не сказал мне никто, что отплыть он замыслил!
Или тогда б, отложивши отъезд, он остался со мною,

Или сама б я осталася мертвою в этом жилище.

735

Но позовите скорее ко мне старика Долиона;
Верный слуга он; в приданое дан мне отцом и усердно
Смотрит за садом моим плодоносным. К Лаэрту немедля
Должен пойти он и, сев близ него, о случившемся ныне
Старцу сказать; и Лаэрт, все разумно обдумав, быть может,

740

С плачем предстанет народу, который губить допускает
Внука его, Одиссеева богоподобного сына”.
Тут Еврикля, усердная няня, сказала царице:
“Свет наш царица, казнить ли меня беспощадною медью
Ты повелишь иль помилуешь, я ничего не сокрою.

745

Было известно мне все; по его повеленью дала я
Хлеб и вино на дорогу; с меня же великую клятву
Взял он: молчать до двенадцати дней, иль пока ты не спросишь,
Где он, сама, иль другой кто отъезда его не откроет.
Свежесть лица твоего, он боялся, от плача поблекнет.

750

Ты же, царица, омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой пойд и молитву
Там сотвори перед дочерью Зевса эгидодержавца;
Ею, конечно, он будет спасен от грозящая смерти.
Но не печаль старика, уж печального; вечные боги,

755

Думаю я, не совсем отвратились еще от потомков
Аркесиада; и род их всегда обладателем будет

Царского дома, и нив, и полей плодоносных в Итаке”.
Так Евриклея сказала; утихла печаль, осушились
Слезы царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,

760

Вместе с рабынями в верхний покой свой пошла Пенелопа.
Чашу наполнив ячменем, она возгласила к Афине:
“Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Афина,
Если когда Одиссей благородный в сем доме обильно
Тучные бедра быков и овец сожигал пред тобою,

765

Вспомни об этом теперь и спаси Одиссеева сына,
Козни моих женихов злонамеренных ныне разрушив”.
Так помолилась она, и не втуне осталась молитва.
Тою порой женихи в потемневшей палате шумели.
Так говорили иные из них, безрассудно надменных:

770

“Верно, теперь многославная наша царица готовит
Свадьбу, не мысля о том, что от нас приготовлено сыну”.
Так говорили они, не предвидя того, что и всем им
Было готово. Созвав их, сказал Антиной, негодуя:
“Буйные люди, советую вам от таких неразумных

775

Слов воздержаться, чтоб кто-нибудь здесь разгласить их
не вздумал.
Лучше, отсель удайся в молчанье, исполним на деле
То, что теперь на совете согласном своем положили”.
Выбрав отважнейших двадцать мужей из народа, поспешно
С ними пошел к кораблям он, стоявшим на бреге песчаном.

780

Сдвинув с песчаного берега корабль на глубокое море,
Мачту они утвердили на нем, все уладили снасти,
В крепкоременные петли просунули длинные весла,
Должным порядком потом паруса натянули. Когда же
Смелые слуги с оружием их собрались, все вместе,

785

Сев на корабль и его отведя на открытое взморье,
Ужинать стали они в ожидание пришествия ночи.
Той порою в высоком покое своем Пенелопа
Грустно лежала одна, ни еды, ни питья не вкушавши,
Мыслью о том лишь тревожась, спасется ли сын беспорочный

790

Или погибнет, сраженный рукою убийц вероломных?
Словно как лев, окружаемый мало-помалу стрелками,
С трепетом видит, что скоро их цепью он будет обхвачен,
Так от своих размышлений она трепетала. Но мирный
Сон прилетел и ее улелеял, и все в ней утихло.

795

Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
Призрак она сотворила, имевший наружность прекрасной
Дочери старца Икария, светлой Ифтимы, с которой
Царь фессалийский Феры, могучий Евмел, сочетался.
В дом Одиссеев послала тот призрак Афина, дабы он

800

Там, подошед к погруженной в печаль Пенелопе, ей слезы
Легкой рукою отер и ее утолил сокрушенье.
В спальню проникнул, ремня у задвижки не тронув, бесплотный
Призрак, подкрался и, став над ее головою, промолвил:

“Спишь ли, сестра Пенелопа? Тоскует ли милое сердце?”

805

Боги, живущие легкою жизнью, тебе запрещают
Плакать и сетовать: твой Телемах невредим возвратится
Скоро к тебе; он богов никакой не прогневал виною”.
Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала,
Полная сладкой дремоты в безмолвных вратах сновидений:

810

“Друг мой, сестра, как пришла ты сюда? Ты доныне так редко
Нас посещала, в далеком отсюда краю обитая.
Как же ты хочешь, чтоб я перестала скорбеть и крушиться,
Горе, объявшее дух мой и сердце мое, позабывши?
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,

815

Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос;
Ныне ж и милый мой сын не со мной: он отважился в море,
Отрок, нужды не выдавший, с людьми говорить не обыхший.
Боле о нем я крушусь теперь, чем о бедном супруге;

820

Сердце дрожит за него, чтоб беды с ним какой не случилось
На море злом иль в чужой стороне у чужого народа.
Здесь же враждебные люди его стерегут, приготовив
В мыслях погибель ему на возвратной дороге в отчизну”.
Темный призрак, ответствуя, так прошептал Пенелопе:

825

“Будь же спокойна и сердца не мучь, безрассудно тревожась.
Спутница есть у него, и такая, которой бы всякий

Смертный с надеждою вверил себя – для нее все возможно, –
Дочь громовержца Афина сама. О тебе сожалея,
Доброю вестью твой дух ободрить мне велела богиня”.

830

Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала:
“Если ты вправду богиня и слышала голос богини,
То, умоляю, открой и его мне печальную участь.
Где он, злосчастный? Еще ли он видит сияние солнца?
Или его уж не стало и в область Аида сошел он?”

835

Темный призрак, ответствуя, так прошептал Пенелопе:
“Я ничего не могу объявить о судьбе Одиссея;
Жив ли, погиб ли, сказать мне нельзя: пусторечие вредно”.
Призрак тогда, сквозь замочную скважину двери провевя
Воздухом легким, пропал. Пробудясь от сна, Пенелопа

840

Ложу покинула; сердцем она ожила, поелику
Явно в глубокую полночь предстал ей пророческий образ.
Тою порой женихи в корабле водяною дорогой
Шли, неизбежную мысленно смерть Телемаху готовя.
Есть на равнине соленого моря утесистый остров

845

Между Итакой и Замом гористым; его именуют
Астером; он невелик; корабли там приютная пристань
С двух берегов принимает. Там стали на страже ахейцы.

Песнь пятая

Эос, покинувши рано Тифона прекрасного ложе,
На небо вышла сиять для блаженных богов и для смертных.
Боги тогда собрались на великий совет; председал им
В тучах гремящий Зевес, всемогущею властью первый.

5

Стала Афина рассказывать им о бедах Одиссея,
В сердце тревожася долгой неволей его у Калипсо:
“Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Кротким, благим и приветливым быть уж теперь ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,

10

Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело, –
Если могли вы забыть Одиссея, который был добрым,
Мудрым царем и народ свой любил, как отец бладушный;
Брошенный бурей на остров, он горе великое терпит
В светлом жилище могучей богини Калипсо, насильно

15

Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Ныне ж враги и младого хотят умертвить Телемаха,
В море внезапно напав на него: о родителе сведать

20

Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град
Лакедемон”,
Ей возражая, отвечивал туч собиратель Кронион:
“Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит

Некогда всех их, домой возвратясь, Одиссей? Телемаха ж

25

Ты проводи осторожно сама – то, конечно, ты можешь;
Пусть невредимо он в милую землю отцов возвратится;
Пусть и они, не свершив злодеянья, придут в Итаку”.
Так отвечав, обратился он к Эрмию, милому сыну:
“Эрмий, наш вестник заботливый, нимфе прекраснокудрявой

30

Ныне лети объявить от богов, что отчизну увидеть
Срок наступил Одиссею, в бедах постоянному; путь свой
Он совершит без участия свыше, без помощи смертных;
Морем, на крепком плоту, повстречавши опасного много,
В день двадцатый достигнет он берега Схерии тучной,

35

Где обитают родные богам феакийцы; и будет
Ими ему, как бессмертному богу, оказана почеть:
В милую землю отцов с кораблем их отплыв, он в подарок
Меди, и злата, и разных одежд драгоценных получит
Много, столь много, что даже из Трои подобной добычи

40

Он не привез бы, когда б беспрепятственно мог возвратиться.
Так, напоследок, по воле судьбы, он возлюбленных близких,
Землю отцов и богато украшенный дом свой увидит”.
Кончил. И медлить не стал благовестник, аргусоубийца.
К светлым ногам привязавши свои золотые подошвы,

45

Амброзиальные, всюду его над водой и над твердым
Лоном земли беспредельная легким носящие ветром,

Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у спящих.
В путь устремился с жезлом многосильный убийца Аргуса.

50

Скоро, достигнув Пиерии, к морю с эфира слетел он;
Быстро помчался потом по волнам рыболовом крылатым,
Жадно хватаящим рыб из отверстого бурею недра
Бездны бесплодно-соленой, купая в ней сильные крылья.
Легкою птицей морской пролетев над пучиною, Эрмий

55

Острова, морем вдали сокровенного, скоро достигнул.
С зыби широко-туманной на твердую землю поднявшись,
Берегом к темному гроту пошел он, где светлокудрявой
Нимфы обитель была, и ее самое там увидел.
Пламень трескучий сверкал на ее очаге, и весь остров

60

Был накурен благовонием кедра и дерева жизни,
Ярко пылавших. И голосом звонко-приятным богиня
Пела, сидя с челноком золотым за узорною тканью.
Густо разросшись, отсюда пещеру ее окружали
Тополы, ольхи и сладкий лиющие дух кипарисы;

65

В лиственных сенях гнездились там длиннокрылые птицы,
Копчики, совы, морские вороны крикливые, шумной
Стаей по взморью ходящие, пищи себе добывая;
Сетью зеленою стены глубокого грота окинув,
Рос виноград, и на ветвях тяжелые грозды висели;

70

Светлой струею четыре источника рядом бежали
Близко один от другого, туда и сюда извиваясь;
Вкруг зеленели густые луга, и фиалок и злаков
Полные сочных. Когда бы в то место зашел и бессмертный
Бог – изумился б и радость в его бы проникнула сердце.

75

Был изумлен и богов благовестник, сразитель Аргуса;
Но, посмотревши на все с изумленьем и радостью сердца,
В грот он глубокий вступил напоследок; и с первого взгляда
Нимфа, богиня богинь, догадавшись, гостя узнала
(Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги,

80

Даже когда б и великое их разлучало пространство).
Но Одиссея, могучего мужа, там Эрмий не встретил;
Он одиноко сидел на утесистом берегу и плакал;
Горем и вздохами душу питая, там дни проводил он,
Взор, помраченный слезами, вперив на пустынное море.

85

Эрмия сесть приглася на богато украшенных креслах,
Нимфа, богиня богинь, у него с любопытством спросила:
“Эрмий, носитель жезла золотого, почтенный и милый
Гость мой, зачем прилетел? У меня никогда не бывал ты
Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно исполню,

90

Если исполнить возможно и если властна я исполнить.
Прежде, однако, ты должен принять от меня угощенье”.
С сими словами богиня, поставивши стол перед гостем,
С сладкой амброзией нектар ему подала пурпуровый.
Пищи охотно вкусил благовестник, убийца Аргуса.

95

Душу довольно свою насладивши божественной пищей,
Словом таким он отвечивал нимфе прекраснокудрявой:
“Знать от меня ты – от бога богиня – желаешь, зачем я
Здесь? Объявлю все поистине, волю твою исполняя.
Послан Зевесом, не сам произвольно сюда прилетел я, –

100

Кто произвольно захочет измерить бесплодного моря
Степь несказанную, где не увидишь жилищ человека,
Жертвами чтущего нас, приносящего нам гекатомбы?
Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет
Между богов ни один от себя отклонить, ни нарушить.

105

Ведомо Дию, что скрыт у тебя злополучнейший самый
Муж из мужей, перед градом Приама сражавшихся девять
Лет, на десятый же, град ниспровергнув, отплывших в отчизну;
Но при отплытии дерзко они раздражили Афины:
Бури послала на них и великие волны богиня.

110

Он же, спутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.
Требуют боги, чтоб был он немедля тобою отослан;
Ибо ему не судьба умереть далеко от отчизны;
Воля, напротив, судьбы, чтоб возлюбленных ближних, родную

115

Землю и светло-устроенный дом свой опять он увидел”.
Так он сказал ей. Калипсо, богиня богинь, содрогнувшись,
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
“Боги ревнивые, сколь вы безжалостно к нам непреклонны!

Вас раздражает, когда мы, богини, приемлем на ложе

120

Смертного мужа и нам он становится милым супругом.
Так Орион светоносною Эос был некогда избран;
Гнали его вы, живущие легкою жизнью боги,
Гнали до тех пор, пока златотронная он Артемиды
Тихой стрелою в Ортигии не был внезапно застрелен.

125

Так Ясион был прекраснокудрявой Деметрою избран;
Сердцем его возлюбя, разделила с ним ложе богиня
На поле, три раза вспаханном; скоро о том извещен был
Зевс, и его умертвил он, низринувши пламенный гром свой.
Ныне и я вас прогневала, боги, дав смертному мужу

130

Помощь, когда, обхватив корабельную доску, в волнах он
Гибнул – корабль же его быстроходный был пламенным громом
Зевса разбит посреди беспредельно-пустынного моря:
Так он, спутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.

135

Здесь приютивши его и заботясь о нем, я хотела
Милому дать и бессмертье, и вечно-цветущую младость.
Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет
Между богов ни один отклонить от себя, ни нарушить;
Пусть он – когда уж того так упорно желает Кронион –

140

Морю неверному снова предастся; помочь я не в силах;
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы

Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Дать лишь совет осторожный властна я, дабы он отсюда
Мог беспрепятственно в милую землю отцов возвратиться”.

145

Ей отвечая, сказал благовестник, убийца Аргуса:
“Волю Зевеса уважив, немедля его отошли ты
Или, богов раздражив, на себя навлечешь наказание”.
Так отвечав, удалился бессмертных крылатый посланник.
Светлая нимфа пошла к Одиссею, могучему мужу,

150

Волю Зевеса принявши из уст благовестного бога.
Он одиноко сидел на утесистом бреге, и очи
Были в слезах; утекала медлительно капля за каплей
Жизнь для него в непрестанной тоске по отчизне; и, хладный
Сердцем к богине, с ней ночи свои он делил принужденно

155

В гроте глубоком, желанью ее непокорный желаньем.
Дни же свои проводил он, сидя на прибрежном утесе,
Горем, и плачем, и вздохами душу питая и очи,
Полные слез, обратив на пустыню бесплодного моря.
Близко к нему подошедши, сказала могучая нимфа:

160

“Слезы отри, злополучный, и боле не трать в сокрушенье
Сладостной жизни: тебя отпустить благосклонно хочу я.
Бревен больших нарубив топором медноострым и в крепкий
Плот их связав, по краям утверди ты перила на толстых
Бруснях, чтоб по морю темному плыть безопаснее было.

165

Хлебом, водой и вином пурпуровым снабжу изобильно
Я на дорогу тебя, чтоб и голод и жажду легко ты
Мог утолять; и одежды я дам; и пошлю за тобою
Ветер попутный, чтоб милой отчизны своей ты достигнул,
Если угодно богам, беспредельного неба владыкам, –

170

Мне же ни разумом с ними, ни властью равняться не можно”.
Так говорила она. Одиссей, постоянный в бедах, содрогнулся;
Голос возвысив, он бросил богине крылатое слово:
“В мыслях твоих не отъезд мой, а нечто иное, богиня;
Как же могу переплыть на плоту я широкую бездну

175

Страшного, бурного моря, когда и корабль быстроходный
Редко по ней пробегает с Зевесовым ветром попутным?
Нет, против воли твоей не взойду я на плот ненадежный
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мне великой
Клятвы, что мне никакого вреда не замыслила ныне”.

180

Так говорил он. Калипсо, богиня богинь, улыбнулась;
Щеки ему потрепавши рукою, она отвечала:
“Правду сказать, ты хитрец, и чрезмерно твой ум осторожен;
Странное слово, однако, ответствуя мне, произнес ты.
Но я клянусь и землей плодоносной, и небом великим,

185

Стикса подземной водою клянусь, ненарушимой, страшной
Клятвой, которой и боги не могут изречь без боязни,
В том, что тебе никакого вреда не замыслила ныне,
Нет, я советую то, что сама для себя избрала бы,
Если б в таком же была, как и ты, затрудненье великом;

190

Правда святая и мне дорога; не железное, верь мне,
Бьется в груди у меня, а горячее, нежное сердце”.
Кончив, богиня богинь впереди Одиссея поспешным
Шагом пошла, и поспешно пошел Одиссей за богиней.
С нею (с бессмертною смертный), достигнув глубокого грота,

195

Сел Одиссей на богатых, оставленных Эрмием, креслах.
Нимфа Калипсо, ему для еды и питья предложивши
Пищи различной, какою всегда насыщаются люди,
Место напротив его заняла за трапезой; рабыни
Ей благовонной амброзии подали с нектаром сладким.

200

Подняли руки они к приготовленной лакомой пище;
После ж, когда утолен был их голод питьем и едою,
Нимфа Калипсо, богиня богинь, Одиссею сказала:
“О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
В милую землю отцов, наконец предприняв возвратиться,

205

Хочешь немедля меня ты покинуть – прости! Но когда бы
Сердцем предчувствовать мог ты, какие судьба назначает
Злые тревоги тебе испытать до прибытия в дом свой,
Ты бы остался со мною в моем безмятежном жилище.
Был бы тогда ты бессмертен. Но сердцем ты жаждешь свиданья

210

С верной супругой, о ней ежечасно крушась и печалась.
Думаю только, что я ни лица красотою, ни стройным
Станом не хуже ее; да и могут ли смертные жены
С нами, богинями, спорить своею земной красотою?”

Ей возражая, отвечивал так Одиссей многоумный:

215

“Выслушай, светлая нимфа, без гнева меня; я довольно
Знаю и сам, что не можно с тобой Пенелопе разумной,
Смертной жене с вечно юной бессмертной богиней,
ни стройным
Станом своим, ни лица своего красотою равняться;
Всё я, однако, всечасно крушась и печалюсь, желаю

220

Дом свой увидеть и сладостный день возвращения встретить,
Если же кто из богов мне пошлет потопление в темной
Бездне, я выдержу то отверделою в бедствиях грудью:
Много встречал я напастей, немало трудов перенес я
В море и битвах, пусть будет и ныне со мной, что угодно

225

Дию”. Он кончил. Тем временем солнце зашло, и ночная
Тьма наступила. Во внутренность грота они удалившись,
Там насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно.
Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос;
Встал Одиссей и поспешно облекся в хитон и хламиду.

230

Светло-серебряной ризой из тонковоздушных ткани
Плечи одела богиня свои, золотым драгоценным
Поясом стан обвила и покров с головы опустила.
Кончив, она собирать начала Одиссея в дорогу;
Выбрала прежде топор, по руке ему сделанный, крепкий,

235

Медный, с обеих сторон изощренный, насаженный плотно,

С ловкой, красиво из твердой оливы сработанной ручкой;
Острую скобель потом принесла и пошла с Одиссеем
Вместе во внутренность острова: множество там находилось
Тополей черных, и ольх, и высоких, дооблачных сосен,

240

Старых, иссохших на солнечном зное, для плаванья легких.
Место ему показав, где была та великая роща,
В грот свой глубокий Калипсо, богиня богинь, возвратилась.
Начал рубить он деревья и скоро окончил работу;
Двадцать он бревен срубил, их очистил, их острою медью

245

Выскоблил гладко, потом уравнил, по шнуру обтесавши.
Тою порою Калипсо к нему с буравом возвратилась.
Начал буравить он брусья и, все пробуравив, сплотил их,
Длинными болтами сшив и большими просунув шипами;
Дно ж на плоту он такое широкое сделал, какое

250

Муж, в корабельном художестве опытный, строит на прочном
Судне, носящем товары купцов по морям беспредельным.
Плотными брусьями крепкие ребра связав, напоследок
В гладкую палубу сбил он дубовые толстые доски,
Мачту поставил, на ней утвердил поперечную райну,

255

Сделал кормило, дабы управлять поворотами судна,
Плот окружил для защиты от моря плетнем из раkitных
Сучьев, на дно же различного грузу для тяжести бросил.
Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины
Крепкой ему принесла. И, устроивши парус (к нему же

260

Все, чтоб его развивать и свивать, прикрепивши веревки),
Он рычагами могучими сдвинул свой плот на священное море,
День совершился четвертый, когда он окончил работу.
В пятый его снарядила в дорогу богиня Калипсо.
Баней его освежив и душистой облекши одеждой,

265

Нимфа три меха на плот принесла: был один драгоценным
Полон напитком, другой ключевою водою, а третий
Хлебом, дорожным запасом и разною лакомой пищей.
Кончив, она призвала благовеющий ветер попутный.
Радостно парус напярэг Одиссей и, попутному ветру

270

Вверившись, поплыл. Сидя на корме и могучей рукою
Руль обращая, он бодрствовал; сон на его не спускался
Очи, и их не сводил он с Плеяд, с нисходящего поздно
В море Воота, с Медведицы, в людях еще Колесницы
Имя носящей и близ Ориона свершающей вечно

275

Круг свой, себя никогда не купая в водах океана.
С нею богиня богинь повелела ему неусыпно
Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку.
Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился он в море;
Вдруг на осьмнадцатый видимы стали вдали над водами

280

Горы тенистой земли феакиан, уже недалеко:
Черным щитом на туманистом море она простиралась.
В это мгновенье земли колебатель могучий, покинув
Край эфиопян, с далеких Солимских высот Одиссея

В море увидел: его он узнал; в нем разгневалось сердце;

285

Страшно лазурнокудрявой тряхнув головой, он воскликнул:
“Дерзкий! Неужели боги, пока я в земле эфиопян
Праздновал, мне вопреки, согласились помочь Одиссею?
Чуть не достиг он земли феакиян, где встретить напастей,
Свыше ему предназначенных, должен конец; но еще я

290

Вдоволь успею его, ненавистного, горем насытить”.
Так он сказал и, великие тучи поднявши, трезубцем
Воды взбуровил и бурю воздвиг, отовсюду прикликая
Ветры противные; облако темное вдруг обложило
Море и землю, и тяжкая с грозного неба сошла ночь.

295

Разом и Эвр, и полуденный Нот, и Зефир, и могучий,
Светлым рожденный Эфиром, Борей взволновали пучину.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце.
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
“Горе мне! Что претерпеть наконец мне назначило небо!

300

С трепетом вижу теперь, что богиня богинь не ошиблась,
Мне предсказав, что, пока не достигну отчизны, я в море
Встречу напасти великие: все исполняется ныне.
Страшными тучами вокруг обложил беспредельное небо
Зевс, и взбуровил он море, и бурю воздвиг, отовсюду

305

Ветры противные скликав. Погибель моя наступила.
О, троекратно, стократно счастливы данаи, в пространной

Трое нашедшие смерть, угождая Атридам! И лучше б
Было, когда б я погиб и судьбу неизбежную встретил
В день тот, как множество медноокованных копий трояне

310

Бросили разом в меня над бездыханным телом Пелида;
С честью б я был погребен, и была б от ахейн мне слава;
Ныне ж судьба мне бесславно-печальную смерть посылает...”
В это мгновенье большая волна поднялась и расшиблась
Вся над его головою; стремительно плот закружился;

315

Схваченный, с палубы в море упал он стремглав, упустивши
Руль из руки; повалилася мачта, сломясь под тяжелым
Ветров противных, слетевшихся друг против друга, ударом;
В море далеко снесло и развившийся парус, и райну.
Долго его глубина поглощала, и сил не имел он

320

Выбиться кверху, давимый напором волны и стесненный
Платьем, богиней Калипсою данным ему на прощанье.
Вынырнул он напоследок, из уст извергая морскую
Горькую воду, с его бороды и кудрей изобильным
Током бежавшую; в этой тревоге, однако, он вспомнил

325

Плот свой, за ним по волнам погнался, за него ухватился,
Взлез на него и на палубе сел, избежав потопленья;
Плот же бросали туда и сюда взгроможденные волны:
Словно как шумный осенний Борей по широкой равнине
Носит повсюду иссохший, скатавшийся густо репейник,

330

По морю так беззащитное судно повсюду носили
Ветры; то быстро Борею его перебрасывал Нот, то шумящий
Эвр, им играя, его предавал произволу Зефира.
Но Одиссея увидела Кадмова дочь Левкотея,
Некогда смертная дева, приветноречивая Ино,

335

После богиня, бессмертия честь воспрнявшая в море.
Стало ей жаль Одиссея, свирепой гонимого бурей.
С моря нырком легкокрылым она поднялася, взлетела
Легким полетом на твердо сколоченный плот и сказала:
“Бедный! За что Посейдон, колебатель земли, так ужасно

340

В сердце разгневан своим и с тобой так упорно враждует?
Вовсе, однако, тебя не погубит он, сколь бы ни тщился.
Сам на себя положишься теперь (ты, я вижу, разумен);
Скинувши эту одежду, свой плот уступи произволу
Ветров и, бросившись в волны, руками работая смело,

345

Вплавь до земли феакиян достигни: там встретишь спасенье.
Дам покрывало тебе чудотворное; им ты оденешь
Грудь, и тогда не страшился ни бед, ни в волнах потопленья.
Но, лишь окончишь свой путь и к земле прикоснешься рукою,
Сняв покрывало, немедля его в многоводное море

350

Брось от земли далеко и, глаза отвратив, удалися”.
Кончив, богиня ему подала с головы покрывало.
После, спорхнув на шумящее море, она улетила
Быстрокрылатым нырком, и ее глубина поглотила.
Начал тогда про себя размышлять Одиссей богоравный;

355

Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
“Горе! Не новую ль хитрость замыслив, желает богиня
Гибель навлечь на меня, мне советуя плот мой оставить?
Нет, я того не исполню; не близок еще, я приметил,
Берег земли, где, сказала она, мне спасение будет.

360

Ждать я намерен по тех пор, покуда еще невредимо
Судно мое и шипами надежными связаны брусья;
С бурей сражаясь, по тех пор с него не сойду я.
Но, как скоро волненье могучее плот мой разрушит,
Брошусь вплавь: я иного теперь не придумаю средства”.

365

Тою порою, как он колебался рассудком и сердцем,
Поднял из бездны волну Посейдон, потрясающий землю,
Страшную, тяжкую, гороогромную; сильно он грянул
Ею в него: как от быстрого вихря сухая солома,
Кучей лежавшая, вся разлетается, вдруг разорвавшись,

370

Так от волны разорвалися брусья. Один, Одиссеем
Пойманный, был им, как конь, убежавший на волю, оседлан.
Сняв на прощанье богиней Калипсою данное платье,
Грудь он немедля свою покрывалом одел чудотворным.
Руки простерши и плыть изготовясь, потом он отважно

375

Кинулся в волны. Могучий земли колебатель при этом
Виде лазурнокудрявой тряхнул головой и воскликнул:
“По морю бурному плавай теперь на свободе, покуда
Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не примут;

Будет с тебя! Не останешься, думаю, мной недоволен”.

380

Так он сказавши, погнал длинногривых коней и умчался
В Эгию, где обитал в светлозданных, высоких чертогах.
Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
Ветрам другим заградивши дорогу, она повелела
Им, успокоясь, умолкнуть; позволила только Борею

385

Бурно свирепствовать: волны ж сама укрощала, чтоб в землю
Веслолюбивых, угодных богам феакиян достигнуть
Мог Одиссей благородный, и смерти и Парк избежавши.
Так он два дня и две ночи носим был повсюду шумящим
Морем, и гибель не раз неизбежной казалась; когда же

390

С третьим явилася днем лучезарнокудрявая Эос,
Вдруг успокоилась буря, и на море все просветлело
В тихом безветрии. Поднятый кверху волной и взглянувши
Быстро вперед, невдали пред собою увидел он землю.
Сколь несказанною радостью детям бывает спасенье

395

Жизни отца, пораженного тяжким недугом, все силы
В нем истребившим (понеже злой демон к нему прикоснулся)
После ж на радость им всем исцеленного волей бессмертных, –
Столь Одиссей был обрадован брега и леса явленьем.
Поплыл быстрее он, ступить торопяся на твердую землю.

400

Но, от нее на таком расстоянье, в каком человеческий
Внятен нам голос, он шум бурунов меж скалами слышал;

Волны кипели и выли, свирепо на берег высокий
С моря бросаясь, и весь он был облит соленою пеной;
Не было пристани там, ни залива, ни мелкого места,

405

Вкруть берега подымались; торчали утесы и рифы.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце;
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
“Горе! На что мне дозволил увидеть неожиданную землю
Зевс? И зачем до нее, пересиливши море, достиг я?

410

К острову с моря, я вижу, везде невозможен мне доступ;
Острые рифы повсюду; кругом, расшибался, блещут
Волны, и гладкой стеной воздвигается берег высокий;
Море ж вблизи глубоко, и нет места, где было б возможно
Твердой ногой опереться, чтоб гибели верной избегнуть.

415

Если пристать попытаюсь, то буду могучей волною
Схвачен и брошен на камни зубчатые, тщетно истратив
Силы; а если кругом поплыву, чтоб узнать, не найдется ль
Где-нибудь берег отлогий иль пристань, страшуся, чтоб снов;
Бурей морскою я не был похищен, чтоб рыбообильным

420

Морем меня, вопиющего жалобно, вдаль не умчало
Или чтоб демон враждебный какого из чуд, Амфитритой
В море питаемых, мне на погибель не высрал из бездны:
Знаю, как злобствует против меня Посейдон земледержец”.
Тою порой, как рассудком и сердцем он так колебался,

425

Быстрой волною помчалю его на утесистый берег;
Тело б его изорвалось и кости б его сокрушились,
Если б он вовремя светлой богиней Афиной наставлен
Не был руками за ближний схватиться утес; и, к нему
прицепившись,
Ждал он, со стоном на камне вися, чтоб волна пробежала

430

Мимо; она пробежала, но вдруг, отразясь, на возврате
Сшибла с утеса его и отбросила в темное море.
Если полипа из ложа ветвистого силою вырвешь,
Множество крупинок камня к его прилепляется ножкам:
К резкому так прилепилась утесу лоскутьями кожа

435

Рук Одиссеевых; вдруг поглощенный волною великой,
В бездне соленой, судьбе вопреки, неизбежно б погиб он,
Если б отважности в душу его не вложила Афина.
Вынырнув вбок из волны, устремившейся прыгнуть на камни,
Поплыл он в сторону, взором преследуя землю и тщася

440

Где-нибудь берег отлогий иль мелкое место приметить.
Вдруг он увидел себя перед устьем реки светловодной.
Самым удобным то место ему показалось: там острых
Не было камней, там всюду от ветров являлась защита.
К мощному богу реки он тогда обратился с молитвой:

445

“Кто бы ты ни был, могучий, к тебе, столь желанному, ныне
Я прибегаю, спасаясь от гроз Посейдонова моря.
Вечные боги всегда благосклонно внимают молитвам
Бедного странника, кто бы он ни был, когда он подобен
Мне, твой поток и колена объявшему, много великих

450

Бед претерпевшему; сжался, могучий, подай мне защиту”.
Так он молился. И бог, укротив свой поток, успокоил
Волны и, на море тишь наведя, отворил Одиссею
Устье реки. Но под ним подкосились колена; повисли
Руки могучие: в море его изнурилося сердце;

455

Вспухло все тело его; извергая и ртом и ноздрями
Воду морскую, он пал наконец бездыханный, безгласный,
Память утратив, на землю; бесчувствие им овладело.
Но напоследок, когда возвратились и память и чувство,
С груди своей покрывало, богинею данное, снявши,

460

Бросил его он в широкую, с морем слиянную реку.
Быстро помчалась ткань по теченью назад, и богиня
В руки ее приняла. Одиссей, от реки отошедши,
Скрылся в тростник, и на землю, ее лобызая, простерся.
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:

465

“Горе мне! Что претерпеть я еще предназначен от неба!
Если на бреге потока бессонную ночь проведу я,
Утренний иней и хладный туман, от воды восходящий,
Вовсе меня, уж последних лишенного сил, уничтожат:
Воздух пронзительным холодом веет с реки перед утром.

470

Если же там, на пригорке, под кровом сенистого леса
В чаще кустов я засну, то, конечно, не буду проникнут
Хладом ночным, отдохну, и меня исцелит миротворный
Сон; но страшусь, не достаться б в добычу зверям плотоядным”.

Так размышлял он; ему наконец показалось удобней

475

Выбрать последнее; в лес он пошел, от реки недалеко
Росший на холме открытом. Он там две сплетенные крепко
Выбрал оливы; одна плодоносна была, а другая
Дикая; в сень их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно блестящий;

480

Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода: так густо
Были они сплетены. Одиссей, угнездившись под ними,
Лег, наперед для себя приготовив своими руками
Мягкое ложе из листьев опалых, которых такая
Груда была, что и двое и трое могли бы удобно

485

В зимнюю бурю, как сильно б она ни шумела, там скрыться.
Грудю увидя, обрадован был Одиссей несказанно.
Бросясь в нее, он совсем закопался в слежавшихся листьях.
Как под золой головню неугасшую пахарь скрывает
В поле далеко от места жилого, чтоб пламени семя

490

В ней сохраниться могло безопасно от злого пожара,
Так Одиссей, под листьями зарывшись, грелся, и очи
Сладкой дремотой Афина смежила ему, чтоб скорее
В нем оживить изнуренные силы. И крепко заснул он.

Песнь шестая

Так постоянный в бедах Одиссей отдыхал, погруженный
В сон и усталость. Афина же тою порой низлетела
В пышноустроенный город любезных богам феакиян,
Живших издавна в широкополянной земле Гиперейской,

5

В близком соседстве с циклопами, диким и буйным народом,
С ними всегда враждовавшим, могуществом их превышая;
Но напоследок божественный вождь Навсифой поселил их
В Схерии, тучной земле, далеко от людей промышленных.
Там он их город стенами обвел, им построил жилища,

10

Храмы богам их воздвиг, разделил их поля на участки.
Но уж давно уведен был судьбой он в обитель Аида.
Властвовал царь Алкиной, многоумием богу подобный.
В дом Алкиной вступила богиня Афина Паллада;
Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,

15

В тайную девичью спальню проникла она, где покойно,
Станом и видом богине подобясь молодой, почивала
Дочь Алкиной, любезного Зевсу царя, Навсикая.
Подле порога дверей с двух сторон две служанки, Харитам
Юным подобные, спали, и накрепко заперты были

20

Светлые двери. К царевне воздушной стопою приближась,
Стала над самым ее изголовьем богиня Афина,
Образ принявшая девы молодой, мореходца Диманта
Славного дочери, дружной с царевною, с ней однолетней.
В виде таком подошед к Навсикае, богиня сказала:

25

“Видно, тебя беззаботною мать родила, Навсикая!
Ты не печешься о светлых одеждах; а скоро наступит
Брачный твой день: ты должна и себе приготовить заранее
Платье, и тем, кто тебя поведет к жениху молодому.
Доброе имя одежды опрятностью мы наживаем;

30

Мать и отец веселятся, любуются нами. Проснись же,
Встань, Навсикая, и на реку мыть соберитесь все вы
Утром; сама я приду помогать вам, чтоб дело скорее
Кончить. Недолго останешься ты незамужнею девою;
Много тебе женихов меж людьми знаменитого рода

35

В нашей земле, где сама знаменитою ты родилася.
Встань и явися немедля к отцу многославному с просьбой:
Дать колесницу и мулов тебе, чтоб могла ты удобно
Взять все повязки, покровы и разные платья, чтоб также
Ты не пешком, как другие, пошла; то тебе неприлично –

40

Путь к водоемам от стен городских утомительно долог”.
Так ей сказав, светлоокая Зевсова дочь полетела
Вновь на Олимп, где обитель свою, говорят, основали
Боги, где ветры не дуют, где дождь не шумит хладоносный,
Где не подымлет метелей зима, где безоблачный воздух

45

Легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут;
Там для богов в несказанных утехах все дни пробегают.
Давши царевне совет свой, туда полетела Афина.

Эос тогда златотронная, встав, разбудила младую
Светлоубранную деву. И, сну своему удивляясь,

50

Тотчас она, чтоб родителей, мать и отца, о виденье
Чудном своем известить, к ним пошла в их покои. Царица
Близ очага там сидела в кругу приближенных служанок,
Нити пурпурные тонко суча; а в дверях отворенных
Встретился ей и отец: на совет он владык многоумных

55

Шел, приглашенный туда от знатнейших мужей феакийских.
С видом приветным к отцу подошед, Навсикая сказала:
“Милый, вели колесницу большую на быстрых колесах
Дать мне, чтоб я, в ней уклад все богатые платья, которых
Много скопилось нечистых, отправилась на реку мыть их.

60

Должно, чтоб ты, заседая в высоком совете почетных
Наших вельмож, отличался своею опрятной одеждой;
Пять сыновей воспитал ты и вырастил в этом жилище;
Два уж женаты, другие три юноши в годах цветущих;
В платьях, мытьем освеженных, они посещать хороводы

65

Наши хотят. Но об этом одна я забочусь в семействе”.
Так говорила она; о желанном же браке ей было
Стыдно отцу помянуть; догадался он сам и сказал ей:
“Дочка, ни в мулах тебе и ни в чем нет отказа. Поди же;
Дам повеленье рабам заложить колесницу большую,

70

Быстроколесную; будет при ней для поклажи и короб”.

Кончив, рабам повеление дал он. Ему повинуюсь,
Взяли они колесницу большую, ее снарядили,
Вывели мулов и к дышлу, как следует, их привязали.
Взяв из хранильницы платья и в короб уклад их, царевна

75

Все поместила на быстроколесной, большой колеснице,
Мать же корзину со всякой едой, утоляющей голод,
Ей принесла; отпустила с ней полный вином благородным
Мех; не забыла и лакомства дать. В колесницу царевна
Стала, приняв от царицы фиал золотой с благовонным

80

Маслом, чтоб после купанья себя и рабынь натереть им.
Бич и блестящие вожжи взяла Навсикая и звучно
Мулов стегнула; затопав, они побежали проворной
Рысью, везя нелениво и груз и царевну. За нею
Следом пошли молодые подруги ее и служанки.

85

К устью реки многоводной достигли они напоследок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.